

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ ОСОБЫЙ КУРЬЕР

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С МАЛЕНЬКОЙ
БЕЛОЙ МЫШКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Особый курьер

«Автор»

2000

Орлов А.

Особый курьер / А. Орлов — «Автор», 2000 — (Тени войны)

Из-за разногласий с капитаном Джек Холланд уволен с должности корабельного механика и брошен на одной из планет. Работы по специальности нет, жить не на что, и Джек за небольшую зарплату соглашается выкачивать фекалии из туалетов почтовых кораблей. Вдобавок Холланд ухитрился привлечь внимание местной мафии – они жаждут его крови. Чтобы спасти собственную жизнь и вырваться из нищеты, Джек отправляется в рискованный рейс, от которого уже отказались многие. Тут-то и началось самое страшное...

© Орлов А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
5	18
6	20
7	27
8	29
9	34
10	37
11	41
12	44
13	47
14	50
15	52
16	54
17	57
18	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алекс Орлов

Особый курьер

1

Мышку звали Кисси. Она была милым белым созданием и помогала старому коку Бергу Мичигану бороться на камбузе с тараканами.

Когда старик Мичиган умер и его, как и положено, сожгли в конверторе, мышка осталась одна, и ее, бедняжку, взял на воспитание Джек Холланд.

Джеку было двадцать четыре года, и у него имелся диплом пилота второго класса. Однако хозяин «Сивиллы» в неопытных пилотах не нуждался, и Джек работал механиком, надеясь, что когда-нибудь сядет за штурвал.

Работы было много, и Джек почти постоянно отсутствовал в каюте, которую делил с Бредом Уислером и Ремси Мак-Грегором. Когда он был на смене, его соседи кормили мышку Кисси и следили за тем, чтобы она не выбегала в коридор. Там, в коридоре, были владения Каванги Четвертого, любимого варана капитана судна, мистера Эдварда Кроу. Каванга регулярно обходил свою территорию и, имея на пальцах присоски, частенько висел на потолке, пугая проходивших матросов неожиданным шипением.

За такие шутки варана в экипаже не любили и при всяком удобном случае давали ему щелчка, однако делали это в строгой тайне от капитана Кроу.

Капитан питал слабость ко всяким чешуйчатым тварям и раньше держал на судне небольшой террариум, пока не произошел несчастный случай – одна из змей укусила боцмана. И хотя боцман остался жив, экипаж пригрозил Кроу забастовкой, так что он был вынужден избавиться от змей, оставив себе только одного Кавангу Четвертого.

Из-за тайных преследований со стороны экипажа характер у варана испортился окончательно, и Каванга превратился в хитрого и сообразительного партизана. Он не нападал на матросов открыто, а мстил им, пробираясь через вентиляцию в каюты и устраивая там погром.

Все, что можно было съесть, он съедал, все, что можно было спихнуть на пол, он спихивал и, вволю натешившись, удирал обратно в вентиляцию. Вернувшись со смены, люди хватались за головы и обещали «убить подлеца»: ни для кого уже не было секретом, что погромы устраивает капитанский любимец.

Матросы закрывали отдушины металлическими сетками и клали в трубы отраву, но Каванга отраву не жрал, за исключением первого случая, когда он исчез после этого на целую неделю.

Тогда все, кроме капитана, радовались избавлению от хулигана, но Каванга, отлежавшись в недрах вентиляционной системы, вернулся вновь. Он пробрался в одну из кают и в дополнение к обычному беспорядку нагадил на подушки.

И война возобновилась.

Любимец капитана не делал исключений и для каюты Джека Холланда, однако тот одним из первых перекрыл все тайные входы, поскольку беспокоился за сохранность Кисси. Холланд знал, что Каванга обожает мышей и крыс, от которых, надо отдать ему должное, начисто избавил старушку «Сивиллу». Когда корабельные грызуны кончились, варан все чаще стал появляться вблизи каюты Джека Холланда. Уж больно вкусно пахла чистенькая мышка Кисси.

Заставая Кавангу у своих дверей, Холланд предупреждал его по-хорошему, однако варан продолжал дежурить возле каюты, ожидая, когда ее жильцы допустят ошибку и оставят дверь открытой.

И однажды это случилось. Возвращаясь со смены, Джек Холланд еще издали увидел, что дверь в каюту неплотно прикрыта. Кто-то, Бред Уислер или Ремси, потерял бдительность и оставил слишком большую щель. Джек пронесся по коридору и, ворвавшись в каюту, застал Кавангу на месте преступления.

Варан стоял на прямых ногах и потряхивал головой, чтобы добыча легче проскользнула в глотку. Розовый хвостик Кисси еще торчал снаружи и слабо трепыхался, вызвав у Джека приступ застилающей свет ярости.

– Убью!!! – закричал Джек и, подхватив с пола тяжелый ботинок, метнул его в Кавангу.

Варан резво скакнул на стенку и легко забрался на потолок. Джек запрыгнул на стол, чтобы достать подлеца оттуда, но Каванга резво прошлепал по перевернутой поверхности потолка к вентиляционному отверстию и был таков, оставив его давиться своей яростью.

Поняв, что Кисси уже не помочь, Джек решился на месть. Ему, как и многим членам экипажа, были известны места основных лежек Каванги, поэтому он сразу отправился по этим «адресам», прихватив с собой разводной ключ.

– Эй, ты куда собрался? У тебя же смена закончилась, – удивился Ремси, который встретил Джека в коридоре.

– Прозевали Кисси, сморчки! – обругал Мак-Грегора Джек и решительно прошел мимо, оставив соседа в недоумении.

«Место первое – за кожухом теплоинерционного бака», – вспомнил Джек одно из мест отдыха Каванги.

– Эй, Холланд, ты куда собрался? – крикнул бригадир грузчиков Рид Ломак.

– Кавангу убивать, – процедил сквозь зубы Джек.

– Давно пора, – одобрительно кивнул Ломак и пошел к своей бригаде, чтобы сообщить эту новость.

– Привет, Джек, – махнул рукой помощник штурмана Войцеховски. – Чего такой сердитый?

– Кавангу ищу, чтобы грохнуть.

– Правда? – выпучил глаза Войцеховски. – Так ты иди в пневмодренажный, я его там пять минут назад видел.

Джек кивнул и, развернувшись, словно боевая машина, пошел в пневмодренажный отсек, где находилось еще одно место отдыха капитанского любимца.

По пути Джеку Холланду встретилось еще несколько человек. Видя на его лице злую решимость, они спрашивали, в чем дело, а когда Джек сообщал им о своем намерении, в желающих помочь в розыске недостатка не было.

Джек долго искал злодея и в конце концов нашел его на развилке труб теплообменной камеры, где тот лежал, сладко позевывая и переваривая бедняжку Кисси.

Увидев Кавангу, Джек закричал страшным голосом и рванулся к варану, однако тот, используя старый трюк, быстренько взобрался на потолок.

Но на этот раз Каванга просчитался. Холланд что было силы метнул разводной ключ и сбил злодея на пол.

Хромая, варан попытался улизнуть в сливное отверстие, но Джек не предоставил ему такой возможности, схватив и сдавив его так, что бедняга разинул пасть и не мог дышать. Длинный колючий хвост словно бич хлестал Джека по ногам, но он этого не замечал, наслаждаясь созерцанием последних минут ненавистного гада.

– Холланд, отпусти его сейчас же! – раздался голос капитана.

Джек оглянулся и увидел собравшихся зевак, а среди них взволнованного Кроу.

– Оставь моего варана, Холланд! Отпусти его немедленно!

Капитан как мог гипнотизировал Джека своим строгим взглядом, однако в глазах матросов Джек читал только одно: «Добей». Заметив на лице Холланда тень нерешительности, капитан еще жестче добавил:

– Отпусти его немедленно, сукин сын, или потеряешь место!

Джек заколебался, но вставший перед глазами образ еще живой Кисси – маленького и ласкового комочка – придал ему сил.

– А пошел ты! – выкрикнул Джек и, размахнувшись, грохнул Кавангу Четвертого об пол.

Капитан Кроу вскрикнул и, закрыв лицо руками, на несколько секунд замер. Наконец, справившись с собой, он повернулся к боцману и сказал:

– Василиук, заберите тело и перенесите в мой офис. А ты, подонок, – он ткнул пальцем в Джека, – приходи за расчетом. Сейчас же.

– Но ведь до Трента нам еще двое суток, сэр, – подал голос помощник штурмана Войцеховски.

– Мы сделаем остановку на Бургасе, – принял решение капитан. – Я хочу, чтобы этот убийца как можно быстрее покинул мое судно. Немедленно смените курс – мы идем к Бургасу.

Капитан нервно развернулся и, расталкивая набежавших матросов, пошел в свой кабинет. Вслед за ним сквозь молчаливый строй членов экипажа проследовал Джек Холланд.

Он намеренно пропустил Кроу вперед, чтобы тот мог собраться с мыслями. Ему было жаль Кисси, на которую он перенес всю свою нерастраченную заботу, а капитану было жалко своего убудочного варана. И тут Джек его понимал.

«Что ж, теперь я остался без работы, но, как говорится, все, что происходит, это только к лучшему», – рассуждал Джек, стоя у двери кабинета. Он все еще не решался переступить порог капитанского убежища, до последней секунды оттягивая неприятные объяснения. Теперь Джек почти жалел, что прибил ненавистного Кавангу.

«И чего мне в голову стукнуло? Жил себе спокойно, имел в перспективе место третьего запасного пилота. А что теперь? – выговаривал себе Джек, рисуя иллюзию безоблачного прошлого. – Хотя, если честно, Кроу заставлял меня работать за троих, платил одну ставку и, уж конечно, не собирался давать место пилота».

Разобравшись таким образом со своим настроением, Джек толкнул дверь и предстал перед капитаном Кроу.

– Садись, Холланд. Подожди минуту, пока я произведу расчеты, – нейтральным тоном произнес Эдвард Кроу и указал Джеку на стул.

Тот воспользовался приглашением и, стараясь держаться безразлично, устался на противоположную стену, где висели репродукции из зоологического журнала «Фауна». Змеи, ящерицы, лягушки и долгоноги. Здесь были все, кого любил капитан Кроу. Голые красотки не в счет – до этого дела был охоч каждый.

Капитан закончил щелкать на калькуляторе и, бросив Джеку листок бумаги, с видом победителя заявил:

– Вот, Холланд, это все, что тебе причитается.

Джек посмотрел на итоговую цифру и возмутился:

– Постойте, капитан, что это за фокусы? Вы должны мне около полутора тысяч кредитов.

– Правильно. Согласно договору, в случае увольнения я обязан заплатить месячное жалованье и выходное пособие в размере половины месячного оклада. Однако... – Тут Кроу смахнул внезапную слезу, высморкался в платок и продолжил уже не так бодро: – Однако, поскольку вы, Холланд, умертвили моего Кавангу, я вычел с вас семьсот кредитов.

– Семь сотен за эту пакость?! – закричал Джек. – Да вы в своем уме, капитан? Если уж на то пошло, то он сожрал мою Кисси. А я тоже могу ее оценить хоть в миллион!

– Таких, как твоя Кисси, у меня пропасть. – С этими словами Эдвард Кроу поставил на стол клетку с белоснежными грызунами, точными копиями погибшей Кисси. – Стоило тебе

обратиться ко мне с претензией, и я бы дал тебе целый десяток, но ты избрал путь преступного поведения, Холланд.

– Но семьсот кредитов, сэр, это же никуда не годится! – развел руками Джек.

– Каванга Четвертый был иннубирийским вараном. Знаешь ли ты, что такое иннубирийский варан, грязный ты механик?

– Вообще-то у меня диплом пилота, – напомнил Джек.

– Засунь себе этот диплом в одно место, Холланд, поскольку на Бургасе, куда я тебя вышвырну, ты не найдешь работы даже мойщиком посуды, – нависнув над Джеком, прошипел Кроу.

«Ну точь-в-точь как его варан, – такая же сволочь», – неожиданно пришло в голову Джеку.

Видя в глазах механика только дерзость и безразличие, капитан сменил тон и продолжил описание иннубирийского варана:

– Так вот, юноша, иннубирийский варан относится к луициксодонтам, а они, в свою очередь, стоят на уровне интеллекта пятого разряда.

– До вас, сэр, он недотягивал совсем чуть-чуть, – съязвил Джек, понимая, что терять ему нечего.

Капитан метнул исподлобья злой взгляд и продолжал:

– Я заплатил за Кавангу две с половиной тысячи кредитов. С тех пор прошло три года, и, учитывая трехлетнюю амортизацию, я оценил его всего в семьсот кредитов. Ты радоваться должен, болван, а не возмущаться.

– Я и радуюсь. Радуюсь, что больше вас не увижу, сэр. Радуюсь, что больше не буду пахать за троих, а получать деньги только за одного. Радуюсь, что весь экипаж будет поминать меня добрым словом за то, что я удавил этого вашего поганца. А теперь, старина Кроу, – тут Джек поднялся со стула, – давай мои остатки и перестань вкаты. Надоел ты мне, честное слово.

Эдварду Кроу ничего не оставалось, как открыть сейф и отсчитать Джеку восемь сотенных бумажек.

Спустя четыре часа «Сивилла» уже висела на орбите туманного Бургаса, а Джек, увешанный своими пожитками, ступал на палубу челночного катерка.

«Вот и все – закончилась служба на судне. Чем я теперь буду зарабатывать на жизнь?» – бродили в голове Джека Холланда невеселые мысли.

– Эй, Джек.

Холланд обернулся и увидел боцмана Василюка. Должно быть, он пришел попрощаться, хотя Джек не помнил, чтобы Василюк особенно его любил.

– Тут мы тебе собрали. – Боцман с опаской огляделся и протянул Джеку небольшой пакет. – Так сказать, пострадавшему за правое дело.

– Что это?

– Деньги. Больше пяти сотен набралось.

– Спасибо, не ожидал, – удивился Джек и взял деньги. – Ну, бывайте, ребята.

Шлюз с шипением закрылся и навсегда отделил Джека Холланда от остальной команды «Сивиллы».

«Теперь я сам по себе», – подумал он и, кивнув пилоту катера, сел поближе к иллюминатору.

2

Джек дождался своей очереди и шагнул к окошку камеры хранения, пододвинув ногой свои чемоданы.

– О, какой хороший баул! – воскликнул приемщик. – Продай!

– Что значит «продай», а в чем я буду вещи носить? – удивился Джек.

– Продай с вещами. Я все куплю.

– Нет, пока это не входит в мои планы.

– Ладно, но, если задумаешь продать, предложи мне первому. Я дам тебе хорошую цену. Если меня здесь не будет, скажи, что тебе нужен Бустер Захария – это я и есть. Меня сразу найдут.

Захария принял баул, два чемодана и, поставив их на полку, вернулся к Джеку.

– И чемодан я бы тоже купил. Не продашь?

– Не продам. Сколько с меня?

– Пустячок – десять кредитов.

– Да ты офигел, Бустер Захария! Таких и цен-то нет, – возмутился Джек.

– Ой, ну ничего сказать нельзя, – покачал головой приемщик. – Ладно, только для тебя – два кредита. Вот, держи квитанцию. Следующий!

Джек сунул бумажку в карман и пошел к выходу из здания порта. Вокруг суетились пассажиры, а Джек смотрел по сторонам, определяя, кому можно задать волнующий его вопрос. Наконец он остановил свой выбор на стоявшем возле входа полицейском.

– Офицер, не подскажете, как мне добраться до биржи труда?

– Для начала предъяви документы, парень, – предложил страж порядка, подозрительно глядя на Джека.

Тот не стал спорить и предъявил все документы, какие у него были.

– Ага, – сказал полицейский, дойдя до диплома пилота, – так тебе на Корабельную биржу надо. Правильно я понял?

– В общем-то, да, сэр.

– Ну так это недалеко. Как выйдешь из дверей, так повернешь налево и топай до самого конца. Там, в тупике, и будет Корабельная биржа.

– Спасибо, сэр, – поблагодарил Джек и вышел на улицу.

Столица Бургаса – Оклендо – встретила Джека Холланда неподвижным воздухом и липкой обволакивающей жарой.

«Однако тепло», – отметил Джек и, повернув налево, пошел вдоль портового комплекса, туда, куда указал ему полицейский.

За установленными вдоль тротуаров пластиковыми ограждениями почти неслышно проносился поток автомобилей. Повинуясь сигналам светофоров, они то замирали, то снова возобновляли свой бег, и Джеку казалось, что поток никогда не иссякнет – настолько мощной была эта транспортная река.

«Если бы не забор, тут стоял бы такой грохот! – Джек дотронулся до прозрачной изгороди и ощутил вибрацию от сотен тысяч лошадиных сил. – Сильны, заразы», – подвел он итог, имея в виду автомобили, втиснувшие под свои капоты целые табуны укрощенных мустангов.

Навстречу Джеку по тротуару двигалась группа школьников во главе с учительницей. Классная дама строго глядела на детей и пересчитывала их каждые пять минут.

– Корнелиус, перестань плевать! – сделала она замечание одному из учеников и тут же бросила оценивающий взгляд на Джека.

«Что ж, наверное, я того стою», – польстил себе тот.

– Кому пирожки с мясом, кренделя сушеные, чипсы каленые? – слышался голос продавца фасованной снеди.

«Кто знает, может, и я буду торговать с лотка», – подумал Джек.

Он подошел к продавцу и купил пирожок с капустой.

– Бери два, парень, там есть все витамины! Честное слово! – настаивал торговец, но Джек отрицательно покачал головой и пошел дальше. – Эй, так, может, презервативов возьмешь? – крикнул продавец вслед Джеку.

Несколько прохожих заулыбались, видимо посчитав его постоянным покупателем.

– Есть магнитные – сто процентов гарантии! – не унимался торговец. Однако Джек его уже не слышал, погруженный в свои заботы: «А вдруг мне сразу предложат место пилота? Может, у них дефицит на дипломированных специалистов? Тогда я смогу рассчитывать на три тысячи кредитов, а если подвернется место капитана, то и...»

Домечтать Джек Холланд не успел, поскольку ему на глаза попала вывеска Корабельной биржи.

«Ну вот сейчас все и решится!» Он постоял у входа еще минуту, доел купленный пирожок и после этого с легким волнением вошел в здание биржи.

Внутри было малолюдно, и это Джека приободрило.

«Раз нет очередей, значит, нет и конкуренции», – рассудил он.

Выбрав одно из окошек, Джек подошел ближе и, улыбнувшись инспектору по трудоустройству, сказал:

– Здравствуйте, я ищу место пилота.

Инспектор задержал на лице соискателя пристальный взгляд и ответил:

– Заявок на пилотов к нам не поступало уже два года. Этого добра на Бургасе хоть пруд пруди.

Джек немного помолчал, а потом сказал, уже без прежнего оптимизма:

– Мне подошло бы и место штурмана или даже его помощника.

– Ничего такого у нас тоже нет, – сухо произнес инспектор и энергично почесался.

– Тогда, может быть, механиком? – совсем упавшим голосом спросил Джек.

– Увы, молодой человек, и тут мимо.

– Но что-то ведь у вас есть?

– О! – Инспектор поднял вверх указательный палец. – Вот это другой разговор. А то «пилоты», «командиры»... Скромнее надо быть.

Чиновник сверился с какими-то списками и сообщил:

– Есть одно тепленькое местечко в службе курьерской рассылки.

– Что такое курьерская рассылка, сэр?

– Ну, я полагаю, это что-то вроде доставки посылок к Новому году.

– И что там за работа?

– Работа? Нормальная работа. Шестьсот пятьдесят кредитов в месяц, восьмичасовой рабочий день, бесплатная спецодежда и дармовая кормежка. Будешь чистить сортиры курьерских уиндеров – работа непрестижная, но очень нужная.

– И зарплата высокая, – заметил Джек.

– Я так понимаю, юноша, что вы с негодованием отвергаете это предложение? – язвительно улыбнулся инспектор.

Джек хотел сказать: «Конечно, отвергаю, я дипломированный пилот, а вы мне...» – и так далее, но ему некуда было деваться, к тому же хотелось утереть нос этой сволочи – инспектору по трудоустройству.

– Пожалуй, я приму ваше предложение, сэр.

– Что, обстоятельства вынуждают? – начал копать инспектор.

– Нет. Просто есть в жизни моменты, когда необходимо побороться с самим собой. Избавиться от излишней гордыни и другого злобного фантома – «чувства собственного достоинства». – Джек мог бы добавить что-нибудь еще, но, увидев улыбающуюся физиономию инспектора, понял, что тот его раскусил.

– Что же вы замолчали? Я уже собрался конспектировать, – продолжал издеваться инспектор.

– Ладно, давайте направление, да я пойду, – махнул рукой Джек.

Инспектор выдернул из подставки розовый квиточек и, черкнув в нем пару слов, протянул направление Джеку:

– Вот ваш билет к счастью и процветанию, молодой человек. Но учтите, до вас на это место я отправлял уже четверых, и через неделю фирма снова присылала мне заявки. Так-то.

3

Джек Холланд стоял перед столом чиновника по кадрам и не переставал удивляться тому, как тщательно тот рассматривает его документы. «Можно подумать, меня берут на должность коммерческого директора», – подумал он.

– Ушли, стало быть, по собственному желанию, мистер Холланд? – спросил чиновник, бросив на Джека взгляд поверх очков.

– А что написано в учетной карточке?

– «Уволен по собственному желанию», – зачитал чиновник.

– Зачем же вы тогда спрашиваете? Или опасаетесь, что я не умею читать? – начал злиться Джек.

Он уже был готов уйти и побродить по городу в поисках новой работы.

– Стоит ли так нервничать, мистер Холланд? Я прекрасно понимаю вас, человека с дипломом пилота, который вынужден согласиться на столь непрестижное место. Но, увы, такова обстановка на Бургасе, – развел руками чиновник. – А идиотские вопросы я задаю вам только потому, что у меня на сей счет есть вполне определенные инструкции.

«Грим Дорсет», – прочитал Джек имя чиновника на настольной подставке.

– Извините, мистер Дорсет, я погорячился.

– Я принимаю ваши извинения, тем более что мы очень нуждаемся в ассенизаторах.

– Так почему бы вам не поднять им зарплату?

– Это не ко мне. Этот вопрос задайте хозяину фирмы – мистеру Дэниелу Глосбергу.

Наконец Дорсет закончил изучать документы Джека.

– Что ж, мистер Холланд, поздравляю вас с поступлением на работу в курьерскую фирму «Доу-Форс», – произнес чиновник заученным тоном и вручил Джеку удостоверение.

По предъявлении этой книжечки можно было проходить на территорию боксов, получать в столовой обед и даже претендовать на койку в рабочем общежитии.

«Практически полный пансион», – подумал Джек и, покинув кабинет Грима Дорсета, отправился на поиски служебной жилплощади.

Через полчаса ходьбы, согласно приложенному к удостоверению маршруту, он оказался возле неприметного здания.

«Настоящий приют для бездомных», – оценил его Джек.

Угрюмый страж в потертой униформе внимательно изучил удостоверение и пропустил его внутрь, посоветовав зайти к бабе Марше.

Как оказалось, баба Марша была комендантом этого дома и ведала здесь всем, начиная со стирки постельного белья и кончая массовыми убийствами тараканов.

– Понятно, – сказала она, взглянув на удостоверение нового жильца. – Сейчас я покажу тебе твое место, а ты запомни несколько основных правил. Готов слушать? – У бабы Марши был настоящий полковничий голос, и Джек поспешно ответил:

– Да, мэм.

– Ну, хорошо. – Марша взяла связку ключей и повела Джека в его комнату. Они вошли в кабину лифта, и, как только створки захлопнулись, баба Марша сказала: – Правило первое – в постели не курить.

– Я не курю, мэм.

– Не перебивай меня. Не люблю я этого.

Лифт остановился, и начальница вышла. Следом выскочил Джек.

– Курить можно только в специально отведенных местах, но это еще не означает, что там можно харкать на пол. – Марша остановилась и взглянула Джеку в глаза: – Ты меня понял?

– Да, мэм.

– Отлично. Пойдем дальше. Эй, Бичер! Ну-ка стой! – неожиданно крикнула баба Марша и, сорвавшись с места, погналась за убегавшим субъектом. – Стоять, я сказала! – рявкнула она своим полковничьим голосом, хватая нарушителя за шиворот.

– Марша, я больше не буду! Клянусь, Марша! – кричал неизвестный субъект.

– Нет, Виктор, пора нам подвести черту.

– Ты же знаешь, Марша, что я не злостный нарушитель.

– Не злостный, говоришь? А ну-ка дыхни на меня!

– Нет, Марша, так же нельзя, мы же цивилизованные люди... – хныкал Виктор.

– Дыхни, я сказала, или сегодня же вылетишь на улицу.

Бичер выпучил глаза и, собравшись с силами, сделал выдох. Запах перегара был таким сильным, что его почувствовал даже Джек.

– И ты говоришь, что не злостный нарушитель?

– Марша... – виновато начал Бичер.

– Выбор! – произнесла баба Марша слово, тайный смысл которого был еще неизвестен Джеку, однако привел Виктора в состояние, близкое к шоку.

– Марша-а, прошу тебя... – зарыдал он, падая на колени.

– Выбор, гадина! В морду или замечание?! – неожиданно заорала Марша, да так громко, что у Джека заложило правое ухо.

– Пе... первое, – прошептал Виктор.

Из кармана полинялого халата баба Марша извлекла пару тонких кожаных перчаток и, натянув их на руки, поиграла пальцами. Затем повернулась к Джеку:

– Если боишься вида крови, подожди меня возле лифта.

Джек не знал, что ответить, и только пожал плечами.

– Ну, как знаешь, парень. Посмотри, может, и тебе будет наука, – сказала Марша и внезапно обрушила на нарушителя Бичера град сокрушительных ударов.

Тот пытался закрываться и что-то кричал, но чугунные кулаки били во все открытые участки, вышибая кровавые сопли и оставляя длинные ссадины.

Избиение продолжалось около трех минут, по истечении которых Виктор еще дышал.

– Не бойся, – перехватив взгляд Джека, сказала Марша. – Я бью не для того, чтобы убить, а для поучения.

Даже не глядя на распластавшееся на полу тело, она сняла перчатки и убрала их в карман, затем будничным движением поправила прическу и повела Джека дальше показывать его жилье.

– Ну, вот твоя комната, – сказала баба Марша, указывая на выкрашенную коричневой краской дверь с номером пятьсот четыре.

Замок легко открылся, и Джек вслед за Маршей вошел в новые апартаменты.

В комнате стояли четыре кровати, однако все они были аккуратно заправлены и выглядели нетронутыми.

– Ты пока первый. Остальные жильцы будут позже, – сказала баба Марша. – А может, и не будут, и ты останешься тут один, как фон-барон какой-нибудь.

Джек кивнул. Он был озадачен такими резкими переменами в настроении местной управительницы. Теперешний приветливый тон бабы Марши никак не вязался с тем страшным избиением, которому подвергся несчастный Бичер.

– Шлюх водить сюда тоже не рекомендую, – продолжила инструктаж Марша.

– Но ведь внизу охранник?

– А... – махнула рукой Марша. – Охранник! Он за пять кредитов порт взорвет, а уж пропустить проститутку – это не вопрос. Это только я одна служу здесь за идею. Как с-собака.

– Простите, мэм, а в чем провинился этот Виктор Бичер?

– Что, потрясен? – ухмыльнулась Марша. – Это хорошо, что потрясен. На то и урок, чтобы доходило. Чтобы до каждой косточки, до кишок и печенки доходило, – потрясая кулаком, с чувством произнесла Марша.

– За что вы его? – снова спросил Джек.

– За что? А за то, что антифриз пьет из отопительных батарей.

– Антифриз? – удивился Джек.

– А ты думал, у нас там молоко? Он пьет, сволочь, а в трубах потом воздушные пробки. Зима приходит, а у нас холодно. Это как, по-твоему?

– Он не прав, – согласился Джек.

– Так ты, значит, не куришь? – вспомнила Марша.

– Нет, мэм. Не курю.

– Может, хоть пьешь?

– Только не антифриз.

– Ну, это понятно, – улыбнулась баба Марша. – Я к чему спрашиваю – иногда с кем-то выпить хочется, поговорить. А кругом одни только гады. Понимаешь проблему?

– Да, мэм. Понимаю.

– Ну и чудненько, сладкий мой, – вздохнула баба Марша. – Думаю, мы поладим. Вещи-то где?

– В порту, в камере хранения.

– Ну, тогда дуй туда побыстрее, а то твои вещички поделят.

– Как – поделят? – не понял Джек.

– Но ведь ты их в ручную камеру хранения сдавал?

– Ну да.

– Замки у чемоданов не опломбировал?

– Нет.

– Ну вот, тогда дуй туда сейчас же, а то останешься без белья.

4

Послушавшись совета мудрой женщины, Джек что есть духу помчался на вокзал, чтобы предотвратить надругательство над своими чемоданами. Задевая прохожих и привлекая внимание полицейских, он неся как ветер – и это себя оправдало.

Когда Джек подбежал к приемному окошку, стекло было опущено, а на кривом ржавом гвоздике висела бумажка с надписью: «Технический перерыв». Чтобы получше выяснить, что это за перерыв, Джек требовательно постучал в окно.

– Чего ломитесь, молодой человек? – отделившись от противоположной стены, пробурчала какая-то женщина. – Они на учет закрылись. И вообще, если вам нужно в камеру хранения, становитесь в очередь. Я крайняя буду.

Однако Джек не встал в очередь и начал тарабанить в дверь. Поначалу это привлекло внимание только нескольких пассажиров. Потом полицейского. Он вытащил из-за пояса дубинку и направился для выяснения обстоятельств.

Заметив недружественный жест полицейского, Джек перестал стучать, и в этот момент из-за двери донесся незнакомый голос:

– Что за пожар?

– Открой, мне к Захарии нужно, – вспомнил Джек имя приемщика.

После минутного замешательства дверь все же открыли, и перед Джеком предстал небритый человек, жующий кончик деревянной зубочистки.

– Ты кто? – спросил он.

– Где Захария? – вопросом на вопрос ответил Джек.

Небритый не ответил. Он повернулся и пошел в глубь территории, заставленной стеллажами с чужой поклажей.

Здесь были чемоданы, перепоясанные кофры, коробки и узлы – словом, все, что можно было найти на обычной городской свалке. И тут до Джека дошло, почему его чемоданы вызвали живой интерес приемщика – среди этого хлама они смотрелись как королевские вещицы.

Небритый проводник завернул за угол и, кивнув на следовавшего за ним Джека, сказал:

– Эй, Бустер, тут к тебе пришли.

Захария оторвался от содержимого чужой сумки и, увидев Джека, изменился в лице:

– Ты чего его пустил, придурок?! Это ж клиент!

– А он сказал, что тебя знает, – недоуменно пожал плечами небритый.

– Ну вот, ты сам сюда пришел, – угрожающе произнес малорослый Захария и поднялся с пола. – Теперь у тебя сплошные неприятности, парень. Клод, Дикси, обработайте его как следует и сдайте в полицию.

Клодом оказался тот самый субъект, что открыл Джеку дверь, а Дикси сидел неподалеку от Захарии и шуровал в вещах Джека.

Опознав свои чемоданы, Джек не на шутку рассвирепел:

– Ну все, козлы, теперь я вас буду натурально уродовать.

– Ну-ну, поглядим, – сказал Захария, а Дикси выдернул из-под стеллажа бейсбольную биту.

Махнув своим оружием, он смело шагнул вперед и, сплюнув на пол, предложил:

– Давай, можешь начинать уродовать прямо сейчас.

Джек бросил взгляд на Клода. Тот хотя и выглядел миролюбивее Дикси, однако тоже достал фризера – вещь не смертельную, но весьма болезненную.

Расстановка сил складывалась не в пользу Джека. Он мгновенно остыл и уже подумывал о том, чтобы убраться подобру-поздорову, однако замигавшая на фризере лампочка говорила о том, что бежать поздно.

Джек огляделся в поисках подходящего оружия, но не нашел ничего, кроме четырех грязных стаканов и торчащей из чьей-то сумки теннисной ракетки.

Он подбросил стакан и, взмахнув ракеткой, сделал мощную подачу на половину противника. Стакан врезался в деревянную полку и рванул, как оборонительная граната, осыпав команду Бустера Захарии острыми осколками. Не давая врагу опомниться, Джек произвел еще две хорошие подачи, и Клод в панике разрядил фризер в спину Дикси. Тот плашмя грохнулся на пол, и его бита откатилась к ногам Джека.

Он завладел трофеем и отбросил ракетку в сторону. Затем в три прыжка оказался возле Клода и без труда отправил его в глубокий нокаут.

– Договоримся, парень, – проверещал Захария, закрываясь руками, однако Джек не сдержался и пнул подлеца в живот.

– Собирай мои вещи, гнида! Живо! – скомандовал он, и Захария без дальнейших напоминаний стал лихорадочно запихивать в чемоданы все, что попадалось под руку.

Когда все было собрано, Захария обмахнул чемоданы носовым платком и, подобострастно улыбаясь, сказал:

– Вот.

– Молодец, – похвалил его Джек. – Теперь носи их к двери.

Захария кивнул и, подхватив чемоданы, перешагнул через истекавшего мочой Дикси.

Джек пошел за ним. Они вышли из камеры хранения, и приемщик тут же поставил багаж на пол.

– Я не понял, Бустер, ты чего, уже устал? – поигрывая битой, спросил Джек.

– А я просто не знаю, куда нести, – заулыбался тот.

– Эй, вы сегодня будете работать или как? – высказала недовольство та самая дама, которая заставляла Джека встать в очередь.

– Ты чего, дура, не видишь, что написано? – внезапно заорал на женщину Захария. Он хотел бы поорать и на Джека, но у того в руках была тяжелая бита.

– А ты на меня не ори, сморчок! – огрызнулась дама. – Все сроки ваших перерывов уже вышли! Сказали, на пятнадцать минут, а уже скоро час будет!

– Да ты... да ты знаешь, что мы там нашли? – сделал страшные глаза Захария.

– Что? – невольно подалась вперед неугомонная дама.

– Ящур.

Что такое «ящур», дама не знала, но то, как это слово произнес Захария, подействовало на нее должным образом. Дама тут же замолчала и больше не сказала ни слова, уважительно глядя вслед сгорбленному носильщику чемоданов.

– Видишь, парень, какой у нас народ? Вот с кем приходится работать. Слушай, подкинь-ка баул, а то мне ремень на горло давит.

Джек помог Захарии перевесить сумку поудобнее, и тот пошел дальше.

– Слышь, а далеко тебе вещички тащить, а то, может, лучше такси возьмем?

– Да нет, тут рядом, – успокоил носильщика Джек. – Метров семьсот, не больше.

– Какие-нибудь проблемы, Захария? – спросил дежуривший у выходных дверей полицейский.

Он еще издали приметил ссутуленного приемщика и парня с бейсбольной битой. Эта пара вызвала у него подозрения.

– Да нет, Ганс, просто земляка встретил и решил помочь, – через силу улыбнулся Захария и прошел через двери, любезно открытые Джеком.

Выйдя из здания порта, Бустер Захария остановился передохнуть и, взглянув на Джека, укоризненно покачал головой:

– Разве можно так с пожилыми людьми поступать, парень? Нехорошо это.

– Я куплю тебе пирожок, – пообещал Джек.

– Я люблю с повидлом, – сделал заявку Бустер и поднял чемоданы.

За все время похода Захария, сопровождаемый сочувственными взглядами прохожих, останавливался больше десяти раз и съел пять пирожков с повидлом. Раскрасневшийся и потный, он к концу дистанции уже отпускал веселые шуточки и рассказывал Джеку похабные анекдоты. Когда они дошли до общежития, Бустер хотел смыться, но Джек настоял, чтобы он донес вещи до поста охранника.

– Уф, зараза! – выдохнул Захария, отделившись наконец от тяжелых чемоданов. – Ну ты меня и прихватил, парень. Ну и преподал мне урок. Больше я такого не допущу. – Бустер с трудом разогнулся и присел на облезлую скамейку.

– Что, перестанешь воровать из чемоданов? – спросил Джек.

– Да ну, скажешь тоже. Как тут перестать, при такой-то работе? Ты не поверишь, какой у меня иногда соблазн разыгрывается, – ну прямо бы все взял да и украл.

– Ну так перейди на другую работу.

– С работой у нас трудно, да и люблю я свое дело.

– Понимаю, – кивнул Джек. – Любимая работа – это все.

– Правильно говоришь. Да, чуть не забыл, – хлопнул себя по лбу приемщик, – квитанцию-то отдай.

– И правда, – спохватился Джек. Он пошарил в карманах и достал смятый клочок бумаги. – Вот, пожалуйста.

– Ага, очень кстати, – кивнул Захария, разглаживая квиточек. – А то как же я без квитанции? Без квитанции у нас нельзя – мы организация солидная.

– И палку свою возьми – она мне теперь ни к чему, – сказал Джек, возвращая битку.

– Спасибо, что вернул. Дикси ею очень дорожит.

– Передай им с Клодом привет. Пусть скорее выздоравливают.

– Передам, – кивнул Захария и, поднявшись со скамьи, заковылял на улицу.

Охранник проверил у Джека удостоверение и, кивнув в сторону ушедшего Захарии, спросил:

– Что, родственник?

– Земляк, – ответил Джек и, подхватив чемоданы, понес их к лифту.

5

Свой первый день на новой работе Джек Холланд начал со знакомства с напарником, чернокожим парнем по имени Байрон ди Каприо де Бонкур де Плиер. Джек поначалу даже не поверил, что Байрон имел такое длинное имя, но тот показал удостоверение, где все было прописано четко и без ошибок.

– Но ты можешь называть меня просто Бэри или док Байрон, – улыбнулся напарник.

– А почему «док»? – спросил Джек.

– Да потому, что у меня степень доктора философии.

– Философии?

– Да, парень. А ты думал, что черные могут только автомобили угонять?

– Да нет, я ничего такого не думал.

– Ну и зря. Чтобы заработать деньги на учебу, я два года угонял ценные тачки. Так увлекся, что забыл, какая у меня была первоначальная цель, но потом вспомнил и пошел учиться.

– Но почему именно философия?

– Ты давай собирайся, Джек, – напомнил Байрон. – Через пятнадцать минут мы уже должны качать дерьмо на восьмом причале.

Байрон помог Джеку облачиться в прорезиненный комбинезон ярко-оранжевого цвета и показал, как лучше надевать защитные очки, чтобы они не съезжали на нос и не натирали лоб.

– Ничего, скоро всему научишься. Если, конечно, не свалишь, как те, что приходили до тебя.

– Не держатся здесь люди? – спросил Джек, расправляя на комбинезоне складки.

– Не держатся, – подтвердил Байрон. – Чуть дерьмо попадет в морду, так сразу и убегают.

– А ты, значит, держишься?

– Положение обязывает. Я черный доктор философии, – важно пояснил Байрон и неожиданно расхохотался, демонстрируя два ряда белых зубов.

Спустя пятнадцать минут они вдвоем толкали бочку, катившуюся на четырех надувных колесиках, и Байрон объяснял Джеку суть их работы:

– На самом деле, парень, ничего здесь сложного нет. Подгоняем нашу бочку к причалу, разворачиваем шланг, заходим в уиндер и разыскиваем там сортир. Если сортир находим, ищем в нем штуцер, если нам повезло и мы нашли штуцер, смело подсоединяем к нему шланг и скачиваем дерьмо в бочку. И все дела.

– Эй, вонючки, куда путь держите? – крикнул какой-то субъект.

– Да, чуть не забыл, – добавил Байрон, – нас постоянно будут звать вонючками, и, если ты страдаешь комплексом Эйпсера, тебе лучше сразу застрелиться.

– Нет, Бэри, пусть называют как хотят. Тем более что от нас действительно заметно поваживает.

– А вот тут ты прав, приятель, – улыбнулся Док и начал разворачивать экипаж к восьмому причалу.

Не успели они с Байроном приготовить шланги, как возле уиндера объявился пилот. На кармашке его кителя золотыми буквами по синему сукну было вышито: «Чизер О. Панам».

– Ну-ка, засранцы, шевелитесь живее. У меня через полчаса погрузка.

– Да, сэр, – поклонился Байрон и подмигнул Джеку.

– Конечно, сэр, – подхватил тот и поклонился еще ниже.

Видя, что над ним издеваются, пилот ушел в кабину.

– Видишь, Джек, совсем необязательно бить его по морде, достаточно просто показать ему, кто он такой. Пилоты народ понятливый, хотя, в сущности, каждый пилот сволочь.

– У меня диплом пилота, – заметил Джек.

– Эй, парень, но ведь надо предупреждать.

И «вонючки» расхохотались. Из кабины показалось свирепое лицо Чизера О. Панама, и Байрон тут же побежал в туалет. Он присоединил шланг и скомандовал:

– Жми на желтую кнопку, Джек! Ай, нет, лучше на красную!

Пилот опять высунулся из кабины и проорал:

– Эй, дебилы! Вы там разберитесь, на какую кнопку жать, а то весь сортир мне дерьмом зальете!

Когда сеанс скачивания фекалий был закончен, Байрон свернул шланги и, обращаясь к своему напарнику, заметил:

– Видишь, Джек, что может сделать пара вонючек, если отрепетировать номер заранее.

– Здорово, – кивнул Джек. – А есть в твоём арсенале что-нибудь более радикальное?

– Конечно! Особенно нудным ребятам я сливаю на брюки остатки дерьма.

– Правда? И как же это происходит?

– А очень просто. «О сэр, что тут у вас случилось?» – «А? Где?» – «Да вот же, сэр. Ой, извините, я нечаянно, наверное, штуцер неисправен». – «Мерзавец! Ты испортил мне брюки!» Примерно так.

6

До обеденного перерыва Джек и Байрон успели обработать двенадцать судов. Они сделали бы и больше, но их бочка заполнилась и ее необходимо было освободить.

– Ну что, сольем бочку и рванем к двадцать четвертому? – предложил Джек.

Его лицо покраснелось, и ему, в общем-то, понравилось работать с Байроном, если, конечно, не вдаваться в подробности самой работы.

– Не спеши, Джек. Не пытайся до обеда сделать то, что можешь сделать после него, – изрек Байрон. – Сейчас мы сольем горшок, и у нас останется только полчаса на то, чтобы снять с себя робу, помыть руки и с достоинством свободных людей проследовать в столовую. Там я покажу тебе одну из достопримечательностей нашей фирмы.

– Какую достопримечательность?

– Посторонись, вонючки! – крикнул водитель электрокара, тащившего на тележке какой-то сложный агрегат.

– Проваливай, Позитрон! – крикнул в ответ док Байрон.

– А это кто?

– Бригадир электриков Сони Дадл.

– А почему ты зовешь его Позитроном?

– Он не знает, что это такое, и очень злится, – улыбнулся Док.

Напарники дотолкали бочку до положенного места, где Байрон занялся сливом, а Джек стал глазеть на спешивших на обед холеных пилотов.

На них была красивая синяя форма, украшенная знаками различий и флажками, указывающими на количество благодарностей. Пилоты шли с высоко поднятыми головами и не обращали внимания на снующих между боксами механиков, электриков, заправщиков и «вонючек» вроде Джека и Байрона.

«Эх, буду ли я когда-нибудь сидеть за штурвалом уиндера?» – вздохнул Джек.

– Эй, коллега, хватит страдать. Пошли переодеваться.

– А бочка? – спросил Джек.

– Ну, можно, конечно, пристегнуть ее к трубе, но я сегодня забыл цепочку, – серьезно ответил Байрон. – Ладно, пошли. Авось пилоты ее не упрут.

Напарники вернулись в раздевалку, где в специальной комнате окатили друг друга хлорированной водой и только после этого сняли защитные комбинезоны.

Уже выходя из раздевалки, Байрон хватился:

– О, чуть не забыл, – и, вернувшись к шкафчику, достал оттуда небольшую коробочку.

Он показал ее Джеку и спросил: – Ну, белый брат, как ты думаешь, что там у меня?

– Запонки с брильянтами, – улыбнулся Джек.

– А вот и не угадал. У меня там настоящая боевая награда.

– Правда, что ли?

– Смотри сам. – Док открыл коробочку и вынул небольшую медальку золотистого цвета. С гордым видом он нацепил ее на грудь и после этого позволил Джеку прочитать надпись.

– «Почетный ассенизатор», – прочитал Джек и удивленно посмотрел на Байрона: – Это тебе здесь выдали?

– Ну да, – усмехнулся тот. – Дождешься от них. Сам заказал у знакомого гравера за шестьдесят кредитов.

– А зачем она тебе?

– Пойдем в столовую, сам увидишь, – сказал Байрон, и напарники покинули раздевалку.

До столовой было совсем недалеко, через пять минут они уже входили в зал. В присутствии множества служащих фирмы Байрон сразу изменил походку и вошел в столовую с гордо

поднятой головой, будто посол некоей могучей державы. Сидевшие за столиками сотрудники невольно обращали на него внимание и, естественно, замечали его медаль.

Даже пилоты не выдерживали своей надменной невозмутимости и внимательно вглядывались в неизвестную им награду.

– Вот видишь, Джек, зачем нужна эта медаль, – тихо обронил Байрон и, встав в общую очередь, добавил: – Это еще не все, смотри, что будет дальше.

Люди двигались вдоль раздачи, ставя на подносы салаты, лапшу, котлеты – что кому по вкусу. В отличие от них Байрон почти ничего не брал, а, поравнявшись с парнем в поварском колпаке, сказал:

– Вот что, боец, сооруди-ка мне порцию гуляша, только попостнее – я не люблю жирного. – При этом Док глубоко вздохнул и уставился куда-то вдаль, словно погрузившись в бездну воспоминаний.

К удивлению Джека, раздатчик не послал Байрона подальше и подал тарелку, нагруженную самым лучшим гуляшом.

– Спасибо, дружище, – произнес Док тоном уставшего ветерана и, ткнув пальцем в Джека, добавил: – Этот парнишка со мной.

И Джеку сделали такую же королевскую порцию.

– Ну ты силен, Док, – покачал головой Джек, когда они садились за стол.

– Подожди-подожди, сейчас начнется самое интересное, – сказал Байрон, кивнув в сторону замаячившего неподалеку Позитрона.

Сони Дадл осторожно приблизился к «вонючкам» и, заглянув Байрону в лицо, улыбнулся:

– Привет, Бэри. Ничего, если я к вам подсяду?

– Садись, Сони, я всегда рад тебя видеть.

Не отводя взгляда от медали, Позитрон расставил на столе свою снедь и наконец не утерпел:

– А это чего у тебя такое, а?

– Да-а, – махнул рукой Байрон, – в граверной лавке заказал за шестьдесят кредитов. Подурачиться решил.

Однако Сони Дадл вовсе не считал себя простаком, а потому сбить его было не так легко. Посмеявшись над шуткой Байрона, он спросил:

– Ну а если серьезно, Док?

– А если серьезно, Сони... – Тут Байрон вздохнул и выдержал паузу. – А если серьезно, Сони, то рано или поздно награда находит своего героя.

– Ну да, конечно, – кивнул Позитрон, даже не притрагиваясь к еде.

– Любой честный труд, всякое доблестное служение всегда вознаграждаются.

– А то, – опять кивнул Дадл и осторожно поинтересовался: – И кто тебе выдал медальку-то, а, Бэри?

– Понятно кто – босс.

– Мистер Дэниел Глосберг? – удивился Позитрон.

– А ты думал?! Не каждый день у нас награждают людей, Сони, – нравоучительно произнес Байрон, подчищая куском булки соус.

– Вот бы мне такую, – выдал свои сокровенные мысли Позитрон, вздохнув над нетронутыми тарелками.

– Это не так легко. Нужно много работать или совершить поступок.

– Но ведь ты работаешь на фирме только четыре года, а я уже двенадцать лет, – возразил Дадл.

– Я же тебе говорю – нужен поступок, – повторил Байрон, вонзая зубы во фруктовый пирожок. Он посмотрел на Джека и сказал: – По крайней мере, теперь я хоть связями обзавелся.

- Да, связи – вещь нужная, – кивнул Джек, подыгрывая напарнику.
- А ты чего не ешь, Сони? Смотри – все уже остыло, – напомнил Док Позитрону.
- Точно, совсем забыл, – спохватился Сони и стал прихлебывать холодный суп, но тут же снова задал вопрос: – Слышь, Бэри, а что у тебя за связи?
- Да через генерала одного.
- Какого генерала?
- Генерала почтовой службы. Я его от смерти спас, – скромно обронил Байрон.
- От смерти? Это как?
- В дерьмо он упал. В большой накопитель. Сам вроде толстый, да и плавать умел, но... – Тут вдохновение оставило Дока, и он захлопал глазами, придумывая продолжение.
- Но больно орденов у него было много, – выручил напарника Джек, – вот и потащили они его на дно...
- Нешто так много орденов бывает, чтобы человек через них утоп? – усомнился Позитрон, глядя то на Байрона, то на Джека Холланда.
- Так еще же сабля была, – невозмутимо добавил Джек.
- Да, – подхватил Док, – с саблей поди поплавай в дерьме.
- С саблей не поплаваешь, – согласился Сони Дадл. Сабля была весомым аргументом.
- Если б не сабля, я б его не спас.
- Да ладно врать-то, – раздался совсем рядом чей-то голос.
- Увлеченные беседой, Бэри, Джек и Сони Дадл даже не заметили, что вокруг них собралось человек восемь посторонних слушателей.
- Бреешь, черномазый, – повторил дерзкий Лоди Айзек, механик из ремонтной бригады.
- Лоди, не хочешь слушать, давай вали отсюда, – бригадирским тоном скомандовал Позитрон. Для придания своим словам весомости он грозно приподнялся со стула – с понятными ему людьми он не церемонился.
- Да ладно, – отступил Лоди Айзек, – чего я такого сказал?
- Забухни, – добавил Сони Дадл, и Айзек тут же забух.
- Ну-ну, Бэри, что дальше-то было? –дохнул чесноком слесарь Кляйн.
- Ну, хватаю я его за волосы, а он не идет, и все, – продолжал Док. – Лысый оказался. Вот тогда я ухватил его за ножны и вытащил.
- А то бы утоп, – кивнул Позитрон.
- Ясное дело – утоп бы, – согласился пахнувший чесноком Кляйн.
- Ну, нам пора идти. А то работы много – качать не перекачать, – сказал Док и стал подниматься из-за стола.
- Публика начала расходиться.
- Постой, Бэри, – полушепотом обратился Сони, придержав Дока за рукав, – постой, у меня к тебе дело. – Позитрон чуток помолчал. – А ты не мог бы мне через этого генерала организовать такую же медальку, а? Я отблагодарю.
- Дай подумать, Сони. – Байрон наморщил свой черный лоб и, как бы разговаривая сам с собой, протянул: – Вообще-то Винсент теперь мой должник...
- Так зовут генерала, – пояснил Дадлу Джек, и тот понятиливо кивнул.
- Если кое-кого подмазать, что-то сделать можно, но для этого, сам понимаешь... – Байрон характерно потер палец о палец.
- Об чем речь. Сколько?
- Думаю, что уложусь в триста.
- Сони Дадл тут же отсчитал деньги и положил на стол.
- Вот, – сказал он. – Сколько нужно ждать?
- Три дня, – ответил Байрон, пряча деньги в карман.

– Так быстро? – восхитился Позитрон.

– В этом мире, Сони, все решают связи, – заметил Док. – Только никакой торжественной части я тебе не обещаю. Ни цветов, ни оркестров, ни рукопожатий босса.

– Нет-нет, Бэри. Это мне не нужно. Главное – медалька.

На том они и расстались. Дадл ушел, оставив недоеденный обед, а Бэри сходил на раздачу и, применив свой старый прием, попросил чаю.

– Я думал, мы пойдем работать, – сказал Джек.

– Наша работа от нас никуда не уйдет, тем более что эти пижоны пилоты еще полчаса будут сидеть в курилках. А без них нам на суда не попасть.

– Ну ладно.

– К тому же я собирался показать тебе нашу достопримечательность. Забыл?

– Да, забыл.

– А зря. Вон она – смотри.

Джек обернулся и увидел высокую блондинку с вьющимися волосами и более чем заметным бюстом. Мини-юбка подчеркивала все ее достоинства, а чулки со стрелочкой придавали образу полную законченность.

– А вот и чай, – сообщил поваренок с раздачи. Он принес два дымящихся стакана и тарелочку с печеньем.

– Спасибо, дружище, спасибо, – поблагодарил Док, снова превращаясь в героя далеких колониальных войн.

Очарованный работник столовой поставил чай и, рассмотрев медаль подробнее, сумел прочесть надпись.

– А что такое «ассенизатор», сэр? – спросил молодой человек.

– Ассенизатор – это такая профессия, сынок, – посмотрев вдаль, произнес Байрон. – Нелегкая профессия. Ассенизаторы есть везде, но они незаметны. Ты понимаешь, сынок?

– Да, сэр.

– Если где-то заводится какое-то дерьмо, то приходит ассенизатор и разбирается с этим дерьмом – раз и навсегда. Я понятно говорю, сынок?

– О да, сэр, – закивал поваренок и, почтительно отступив, исчез за перегородкой.

– Ну как тебе красotka? – спросил Бэри, попробовав горячий чай.

– Да я, признаться, только тебя и слушал. Здорово у тебя получается.

– Но ведь я не врал. Я сказал, что ассенизаторы убирают дерьмо. Разве не так?

– Но он понял иначе.

– А вот это не мое дело. Человек слышит то, что желает услышать. Заметь, что и Позитрону я поначалу не врал. Сказал, что эту медаль заказал в граверной лавке, – и ты сам видел, что из этого вышло. М-м... какое печенье! Попробуй.

– Что-то не хочется.

– Это потому, что ты теперь думаешь только о Злючке Келли.

– О ком? – переспросил Джек.

– Да об этой беленькой сучке. Скажешь, нет?

– Скажу «да», – улыбнулся Джек. От проницательности Дока невозможно было укрыться.

– Тогда слушай. Зовут ее Мэри Келли Логон. Она любовница нашего босса – я имею в виду самого главного, Дэниела Глосберга. У нее постоянный пропуск в центральную часть города, квартирка что надо и салатовый кабриолет «Пума». Глосберг очень занятой любовник, и девушка изнывает от тоски, однако из-за боязни лишиться финансовой поддержки босса сохраняет ему верность. Поначалу красавцы пилоты атакывали ее направо и налево, но она стала их подставлять, – дескать, преследуют. И Глосберг увольнял их одного за другим – пилотов у нас на Бургасе как собак. Вот за все эти фокусы ее и прозвали Злючка Келли.

– Да... Злючка Келли... – задумчиво проговорил Джек, оглядываясь на блондинку. – Протянешь руку – вмиг пальцев лишишься. Сразу видно.

– Кроме меня, ее здесь все боятся, – заметил Байрон и поставил на стол пустой стакан. – Ну ладно, Ромео, пошли. Субстанция ждет.

– Чего ждет? – не понял Джек.

– Субстанция, парень. То, что мы качаем.

– А-а, понятно.

Ассенизаторы вышли из-за стола и направились к выходу. Но на середине пути Байрон неожиданно оставил Джека и смело направился к неприступной красавице. К удивлению Холланда, блондинка приветливо кивнула Доку, и тот присел за ее столик.

Джек дошел до выхода и, не зная, что делать дальше, застыл, переминаясь с ноги на ногу. А Байрон что-то говорил Мэри Келли, время от времени косясь на своего напарника, и у Джека начало складываться впечатление, что говорят именно о нем. Во время длинного монолога Бэри красавица посматривала в сторону Джека с нарастающим интересом.

Наконец Байрон распрощался с блондинкой и вернулся к Джеку.

– Ну вот, теперь можно идти. – Больше он не произнес ни слова, храня таинственное спокойствие.

Джек тоже молчал, хотя ему очень хотелось спросить Дока, о чем он говорил со Злючкой Келли. Когда напарники уже облачались в защитные комбинезоны, он наконец не выдержал:

– Слушай, Бэри, а почему эта блондинка с тобой так спокойно общается? Ты же говорил, что она всех подавляет.

– О, я не в счет. Я же не белокурый парень под два метра ростом с пилотскими погонами на плечах. Я что-то такое, чего не принимают в расчет. Понимаешь?

– Нет.

– Объясняю: мистер Глосберг никогда не поверит, что я пристаю к его королеве.

– Откуда ты знаешь?

– Она уже пыталась меня подставить.

– По-моему, она та еще тварь.

– Ясное дело, тварь. Но она мне интересна. Ну, ты готов?

Джек поправил очки, расправил складки на комбинезоне и ответил:

– Да, сэр. Готов приступить к выполнению задания.

– Тогда пошли.

Они вышли из раздевалки и почти сразу встретились с Лоди Айзеком, который еще недавно, в столовой, называл Бэри «черномазым».

– Лоди, мы сейчас никого не принимаем, потому что уже практически на рабочем месте, – на ходу проговорил Док, отстраняя Айзека.

– Я это... извиняюсь и беру свои слова назад, – не отставая от быстро идущего Байрона, зачастил Лоди.

Джек улыбнулся. И он, и Байрон уже догадывались, о чем пойдет речь.

– Это будет стоить пятьсот, Лоди.

– А почему для Дадла только триста?

– Потому что Дадл – электрик. Электрикам выдаются медали, а ты, Лоди, механик. – Тут Байрон остановился. – У механиков особая статья, и им даются ордена, а орден, Лоди, дорогого стоит.

– Я согласен, – выдохнул Айзек.

– Тогда попрошу деньги вперед, – перейдя на деловой тон, потребовал Байрон.

Айзек беспрекословно отсчитал деньги и протянул Байрону.

– Все, Лоди, пока. Через четыре дня будет тебе орден.

Механик убежал, едва не подпрыгивая от радости, а Джек посмотрел ему вслед и сказал:

– Прямо эпидемия какая-то. Зачем ты взял с него так много?
– Чем дороже обойдется ему этот орден, тем с большим удовольствием он будет его носить.

– Ты заботаешься о его удовольствии?

– Не только. Сегодня мы с тобой заработали шестьсот восемьдесят монет – чистыми.

– Мне ничего не надо.

– Так не пойдет, парень. Ты мне очень хорошо ассистировал, но денег я тебе сейчас не дам, потому что на них мы отправимся в один из лучших ресторанов города.

Наконец ассенизаторы добрались до бочки и бодро покатали ее к двадцать четвертому причалу.

– А что ты рассказывал этой самой Мэри Келли, что она на меня оборачивалась? – задал Джек вопрос, который его мучил.

– Я сказал ей, что ты был личным пилотом нубийского визиря Джебраила.

– И это так ее заинтересовало?

– Нет, ее заинтересовало другое. Мне пришлось сказать, что ты перевозил гарем визиря – всех его жен.

– И что?

– Так, Джек, здесь осторожнее, а то на этой канавке я однажды сломал ось.

Напарники аккуратно провели бочку по опасному участку, а затем снова набрали крейсерскую скорость.

– Ну и что ты сказал еще?

– Ну что я сказал? Я сказал, что все они забеременели.

– Понятно. А сколько было жен?

– Сто пятьдесят две.

– Ну и к чему весь этот спектакль?

– О, вот мы и на месте. Разворачивай шланг – теперь ты пойдешь первым.

Джеку ничего не оставалось, как поправить очки и, взяв штуцер наперевес, взойти на борт уиндера. Он довольно быстро отыскал нужное соединение и, пристыковав штуцер, крикнул:

– Давай, Док, включай!

Байрон запустил насос, и шланг забился в руках Джека, как взбесившаяся змея. От сильной вибрации крепежные ушки штуцера начали медленно разворачиваться. Понимая, чем это грозит, Джек вцепился в штуцер что есть силы и удерживал его до тех пор, пока Байрон не выключил насос.

Когда Холланд наконец сошел с уиндера, волоча за собой уже неопасный шланг, Байрон с улыбкой сказал:

– И в мирной жизни есть место подвигу, Джек. Ты не находишь?

– Ты что, специально это сделал?

– Ничего я не делал, а на будущее запомни номер этого уиндера – у него слабый стыковочный узел. Увы, в свое время я не сумел выдержать этот экзамен. Какой из этого вывод?

– Какой?

– Ты прирожденный ассенизатор, Джек.

– Ну, спасибо, – усмехнулся тот.

– Пожалуйста. Кстати, я сказал Мэри Келли, что ты положил на нее глаз, но посоветовал ей держаться от тебя подальше.

– Почему?

– Вот и она спросила – «почему?». А я объяснил, что ты своих подружек частенько доводишь до обморока.

– Теперь я понимаю, почему она так на меня смотрела.

- Ладно, забудь. Пошли теперь к двадцать седьмому причалу. Там у нас сразу два судна. Сегодня хорошо поработаем, а через недельку, когда скопим денег, наведемся в ресторан.
- А пропуск в центр города у тебя есть?
- Нет. Откуда он у меня? Но это еще не повод отказывать себе в удовольствии.

7

Первый рабочий день закончился без приключений, и Джек благополучно вернулся в общежитие. Поднявшись на свой этаж, он встретил Виктора Бичера. Бедняга, весь в бинтах, елозил по полу, смывая тряпкой собственную кровь.

– Привет, Виктор, – поздоровался Джек.

– Пи-вет, – прошипел сквозь стянутую скобками челюсть пострадавший.

– Может, тебе помочь?

– Иада, я фам, – отозвался Бичер.

«Ну „фам“ так „фам“. Мне тоже отдохнуть надо», – решил Джек.

Он распахнул свою дверь и с удовлетворением отметил, что новые жильцы не появились.

– Вот и хорошо, – вслух произнес он и с ходу повалился на кровать, чувствуя, что порядком устал.

«Сейчас почищу зубы и завалюсь спать», – подумал он, уже проваливаясь в дрему. Однако его планам не суждено было сбыться. В дверь требовательно постучали, а затем, не дожидаясь приглашения, в комнату вошла баба Марша.

– Ты бы хоть разулся. Чего в обуви на кровать заперся?

– Я сейчас. – Джек поспешно поднялся.

– Да ладно. погоди разуваться. Пойдем сейчас ко мне – я тебя на день рождения приглашаю.

– Да? Спасибо, – растерянно сказал Джек.

– Вещички-то, я вижу, принес. – Марша кивнула на чемоданы. – Чего не разбираешь? Помочь?

Джек неопределенно пожал плечами, и Марша тут же открыла ближний чемодан и стала быстро сортировать вещи.

Она ловко сворачивала их и заново укладывала в стопки, потому что после инспекции Захарии в чемоданах все было свалено в кучу.

– Чего у тебя здесь такой бардак? А?

– Пришлось отбивать вещи у приемщиков.

– Понятно. Значит, еще вовремя успел, а то бы все продали, сволочи. О, а это откуда? – И Марша показала Джеку кружевные дамские трусики.

– Это не мое, – поспешил отказаться Джек.

– Я на это надеюсь, парень. С виду ты вроде нормальный.

– Это приемщик хватал что попало и сваливал в чемоданы. Спешил очень.

– Ты поработал над его внешностью?

– Да, мэм. Пришлось, – вздохнул Джек.

– Молодец. Ты нравишься мне все больше.

После более подробной ревизии вещей были найдены следующие не принадлежавшие Джеку предметы: еще две пары женских трусиков, один бюстгальтер, один слуховой аппарат, средство для лечения геморроя, справочник по ботанике и каталог одежды для сексуальных меньшинств. Вместе с тем Джек недосчитался бритвы, одного синего носка, перочинного ножа с треснутой рукояткой, походных шахмат и книги «Как выкормить мышь».

– Больше ничего не пропало? – спросила Марша.

– Нет, остальное все на месте.

– Ну тогда тебе здорово повезло, – сказала баба Марша и лично уложила все вещи Джека в шкаф. Она еще раз оглядела аккуратные стопки, затем закрыла дверцу шкафа и сказала: – Ну все, теперь пошли праздновать мой день рождения.

– Но я даже без подарка.

– Это не важно, потом когда-нибудь подаришь. Главное – это посидеть, выпить, поговорить.

8

Спускаясь в лифте, Джек думал о том, что нужно будет выходить на улицу, но этого делать не пришлось, поскольку баба Марша, как оказалось, жила в этом же общежитии – на первом этаже, там, где размещались все хранилища и административные закутки. У нее была точно такая же, как и у Джека, комната, с той лишь разницей, что кровать была одна-единственная.

Жилье Марши нисколько не напоминало гнездышко увядшей вдовушки, с фарфоровыми статуэтками на трюмо и расшитыми салфетками на комод. Напротив, это было типичное солдатское прибежище, с минимумом обстановки и привычным расположением каждой вещи, будь то полотенце, обувь или спички.

– Что, удивлен? – спросила Марша, обходя остановившегося в дверях гостя.

– Да, я ожидал увидеть что-то другое. Ну, может быть, какие-то фотографии.

– Фотографии? Пожалуйста. – Баба Марша подошла к украшенному казенной биркой письменному столу и достала конверт.

– Вот тут мои фотографии. Только их не так много. Ты пока посмотри, а я сооружу угощение. Все-таки ты гость, как-никак.

Марша ушла в угол комнаты, служивший ей кухней, и принялась греметь посудой, а Джек заинтересовался фотографиями. То, что он увидел, его поразило.

На фотографиях были люди, увешанные оружием. Лиц видно не было – их закрывали маски. Однако по выражению глаз Джек сумел определить, кто из них баба Марша.

– Я узнал вас, мэм, – сказал он.

– Да ну? Покажи.

Марша подошла ближе и, увидев, в кого Джек ткнул пальцем, кивнула:

– Точно, Холланд, ты угадал правильно.

Пока Джек разглядывал другие фотографии, Марша поставила на стол несколько тарелочек и целую бутылку кальвадоса «Сивор».

– Ну давай, а то у меня уже душа горит, – сказала Марша. Она открыла бутылку и разлила розоватый напиток по двум высоким стаканам. – Ты чем привык закусывать?

– Тем, что есть, – признался Джек.

– Ну и правильно. Будем.

И, не дожидаясь Джека, Марша опрокинула в рот свою порцию. Следом за ней выпил и Джек.

– Ох! Ну и как тебе? – понюхав большую оливку, поинтересовалась Марша.

– Хорошо пошла, – кивнул Джек.

– Ну тогда еще по одной. – Марша быстро наполнила стаканы.

– Не возражаю.

Они выпили еще по одной, и Джек сразу опьянел.

– Послушай, Марша, так кем же ты была? – спросил Джек, перейдя на «ты».

– Служила в отряде «99», Джек.

– В армии, что ли?

– Нет. В армии я не служила ни одного дня. Я была полицейским, Джек. Специальным копом.

– Вот это да!.. – Кальвадос был крепкий, и Джеку становилось все лучше. – И чего же ты делала в этом отряде?

– Разное... – Марша неопределенно пожала плечами.

– Людей убивала?

– Да, довольно часто.

– Но, конечно, только бандитов.

– Если честно, Джек, всякое бывало.

– То есть как?

– А очень просто. Представь себе, что террористы захватили коммерческий шаттл с пятью сотнями пассажиров, а у меня приказ освободить заложников и перестрелять всех злодеев. Эти сволочи ходят на захваты бригадами по восемь-двенадцать человек. Если стрелять в тире, то на поражение двенадцати мишеней нужно пять-семь секунд. Но это в тире. Давай еще выпьем.

– Давай, – согласился Джек. – Только дай рыбки, а то я без закуски не могу.

– Конечно, ты ешь, не стесняйся. Разносолов у меня нет, но консервированной жратвы навалом. Хочешь солдатской тушенки?

– Хочу, но чуть позже. Как говорится, всему свое время.

Марша налила еще, и они выпили.

– У-ух, зараза!.. – проговорил Джек, передернувшись, когда кальвадос скользнул ему в желудок. – Нр-р-равится мне твоя выпивка, Марша. Ну так на чем мы остановились?

– Я говорю, в тире стрелять удобно, поэтому все пули идут туда, куда ты хочешь. А когда выпрыгиваешь из вентиляционной трубы и повисаешь на тросе, как елочная игрушка, не так-то легко попасть в того, в кого надо. – Марша съела оливку и продолжила: – Так что на двенадцать убитых бандитов приходилось до шести трупов и еще полтора десятка раненых, совершенно невинных людей. Но это считалось нормой.

– А нельзя было сделать как-то иначе, поаккуратнее?

– Чтобы сделать аккуратно, нужно время, а террористы – ребята отчаянные. Они обычно страховались взрывным устройством, поэтому главным было – застрелить подрывника. Того, у кого в руке был пульт. Поэтому мы выпрыгивали с трех-четырех точек и палили.

– А случалось, что вы не попадали в подрывника?

– Случалось.

– Часто?

– Со мной было только один раз – в самом начале карьеры. Мы стреляли в подрывника, и он упал. Думали, убит, но он оказался жив и замкнул цепь. Из той группы уцелела только я одна. Но это было давно.

– А как ты оказалась здесь, Марша? На пенсию, что ли, ушла?

– На пенсию! – невесело усмехнулась баба Марша. – Меня лишили пенсии, Джек, оттого я и пошла в управдомы. Но я не жалуюсь – мне хватает.

– За что же тебя лишили пенсии?

– Заложника кокнула. На нервах вся была. Мы тогда подземный комплекс отбивали – сплошные потайные ходы, повороты, коридоры. Потеряли восемь человек. И уже под конец, когда очистили весь комплекс, на тебе, выскакивает один придурок и орет. – Марша вздохнула и потянулась к бутылке. Она налила себе половину порции и, не предлагая Джеку, выпила. – Ну вот. А я же, говорю, вся на взводе была – как оголенный нерв. Ну и врезала по нему. Три пули – и он труп. А тут, как назло, несколько человек из местной полиции было, да и сотрудники этого комплекса тоже все видели. Короче, тюрьмы я избежала – тут начальству моему низкий поклон, стояли за меня горой, но пенсии и всех званий лишилась.

– Но ты же могла устроиться куда угодно. Охранником, телохранителем или частным детективом.

– Нет. Я сама решила, что мне больше нельзя с пушкой ходить. Заполошная я стала какая-то.

– Какая?

– Заполошная – значит нервная. Часто теряю над собой контроль. А тут очень кстати Глосберг попался – он мой должник, я когда-то его брата у похитителей отбивала. Вот он мне это местечко и предложил. А что? – Марша окинула взглядом свою комнату. – Здесь есть все,

что нужно: кровать, стол, стул, по коридору налево туалет и душ, на этажах подлещы, о которых можно почесать кулаки, когда взгрустнется. А в подвале я сделала себе спортзал и тир.

– Спортзал и тир? – удивился Джек.

– А как же ты думал? За столько лет работы в отряде у меня уже вошло в привычку по несколько часов проводить на тренажерах или с пистолетом в руке. Пошли, покажу тебе все это хозяйство.

– Пошли, – с готовностью согласился Джек. Он резко встал, но тут же качнулся и ухватился за стену.

– Ты сам-то как? Со спортом дружишь? – спросила Марша, подбирая из связки нужные ключи.

– А как же? В летном колледже был третьим по боксу и... – Джек вспомнил битву с приемщиками, – и в теннис немного могу.

– Ну, пошли, боксер, – улыбнулась Марша и вышла в коридор.

Джек последовал за ней. Они прошли по запутанным коридорам первого этажа и наконец остановились перед дверью с надписью «Овощехранилище».

– Это старая надпись, – пояснила Марша и толкнула дверь. Она нащупала в темноте выключатель, и весь подвал озарился ярким светом. – Проходи, – сказала Марша, и Джек, спустившись на несколько ступенек, оказался в небольшом спортивном зале.

Как и в комнате Марши, здесь поддерживалась идеальная чистота. С потолка свисали четыре разные боксерские груши. Две из них Джек видел впервые. На полке лежало несколько пар перчаток – боксерские, снарядные, «накладки» и еще несколько специальных, которые Джек тоже раньше не видел. Еще были маты, перекладина, шведская стенка и, конечно, тренажеры для бодибилдинга.

– Все это оплатил Глосберг, – сказала Марша. – Мы надеялись, что и его рабочие будут посещать этот зал, но им больше нравится пить антифриз. Ну-ка, боксер, покажи класс.

Джек подошел к ближайшей груше и отвесил ей несколько тумачков. Груша лениво качнулась, и Джек понял, что не произвел на Маршу должного впечатления.

– Так бить нельзя, Джек. Ты думаешь только о том, насколько хорошо ты смотришься со стороны. Ты пижонишь, а в настоящей драке это для тебя смертный приговор, – заметила Марша.

Она подошла к снаряду и, постояв несколько секунд, выдала такую серию, что груша чуть не прорвалась.

– Вот, парень... – проговорила Марша. – Бить надо. Жестоко бить, а не раскачивать.

– Но на ринге я бил довольно сильно. У меня были победы нокаутом, – возразил Джек.

– На ринге ты лупцевал своих дружков, таких же мягких мальчиков. Максимум, что тебе грозило, это синяк под глазом. А когда перед тобой реальный враг, ты должен бить так, чтобы каждый удар мог стать для него последним.

Джек посмотрел на Маршу – у нее был совершенно трезвый вид. Будто и не пила крепкий кальвадос. Да и сам Джек чувствовал себя бодро, будто ничего и не пил, лишь неприятный привкус во рту напоминал о спиртном.

– О'кей, Холланд, пойдем теперь в тир. В своем летном колледже небось приходилось стрелять?

– Да, из спортивного пистолета.

Они прошли дальше, и Джек восхитился еще раз, увидев первоклассно оборудованный тир. Такого не было даже в его колледже.

– Поначалу Глосберг не хотел давать деньги на это оборудование. Но я пообещала, что научу его стрелять, как настоящего копа, – усмехнулась Марша. – Каждый мужчина спит и видит себя эдаким крутым парнем с большим пистолетом в руках. Глосберг оказался тоже из

таких и выложил почти пятьдесят тысяч кредитов. Для него это пустяк, а мне приятно. Пойдем на исходную, я покажу тебе свой арсенал.

На исходной позиции стоял оружейный шкаф со специальными укладками под каждый из пистолетов.

– Вот это «лилит-Б7». Хорошая машинка, но маловат калибр. «Лилит» подходит только мастерам. А вот это мой любимый «ТОРСО». Девять миллиметров, механика на электроприводе и даже дополнительная камера сгорания для использования жидкого топлива. Не пистолет, а мечта. Бронежилетов для него не существует.

Джек взял «ТОРСО» в руки и покачал головой:

– Тяжелый очень.

– Ну что ж, за мощность приходится платить, – сказала Марша.

– Мне вот этот нравится. – Джек показал на короткоствольное оружие с барабанным механизмом.

– Это револьвер системы Штрауса. Стрелять в упор – одно удовольствие, но не более. Он у меня здесь случайно. У жильца одного отобрала. Ну что, какой попробуешь?

– Пожалуй, «лилит».

– Ну, давай.

Марша подцепила на бегунок картонку с мишенью и отправила ее на двадцать пять метров. Мишень остановилась, и Джек шагнул к огневому рубежу.

Пистолет лежал в руке очень удобно, и Джек удивился тому, как он хорошо сбалансирован, хотя это обычное серийное оружие.

Он нажал на курок, и «лилит» выбросил сразу треть магазина.

– Переключи на одиночные, – усмехнулась Марша. Джек с трудом разобрался с кнопками, но все же сумел переключиться правильно. Он дострелял оставшиеся патроны, а потом Марша пригнала мишень обратно.

– Ну, давай посмотрим, что ты там настрелял. Хотя я уже отсюда вижу, что почти ничего.

Джек снял свою картонку и увидел, что все его пули ушли в «молоко» и только одна из них попала в семерку.

– Наверное, заблудилась, – предположила Марша. – Такой стрелок, Джек, в полицейской операции живет меньше минуты.

– Но я же не служил в спецназе, – стал оправдываться Джек. – Я всего лишь пилот.

– А я разве что говорю? – пожала плечами Марша. – Помоги лучше мишени повесить.

Джек взял картонки и развесил их на «ползунах» – всего получилось восемь штук.

– Теперь смотри, Джек. Мы в отряде играли так: отгоняли восемь мишеней на пятьдесят метров, а потом пускали их навстречу. Если хоть одна добиралась до отметки в тридцать пять метров, считалось, что стрелок проиграл – его убили. Усек?

– Усек, – кивнул Джек, глядя, как мишени уплывают в дальний конец тира. Он уже прикинул, что у Марши на стрельбу остается что-то около пяти секунд.

Наконец мишени остановились, и Марша сказала:

– Но это еще не все. Нужно присесть на одно колено и не подниматься, пока мишени не пущены. Давай запускай.

Баба Марша стала на колено. В халате и с пистолетом в руке она казалась здесь совершенно неуместной фигурой.

«Как корова в кавалерии», – вспомнил Джек сравнение, которое использовал его сержант-наставник из летного колледжа.

– Я нажимаю, – предупредил Джек.

Марша ничего не ответила, погруженная только в свое ожидание.

– Старт!.. – объявил Джек, утопив кнопку пуска.

Мишени помчались вперед с заданной скоростью – три метра в секунду, а баба Марша стремительно выпрямилась, и ее «ТОРСО» начал бить короткими очередями. Прежде чем мишени достигли оговоренного рубежа, Марша прошла по ним два раза.

– Ну, теперь смотри, – сказала она, переводя дух.

Джек снял все восемь картонок и сравнил их. Мишени были совершенно одинаково посечены пулями, и каждая имела по шесть кучно расположенных отверстий.

– Да... – только и сумел сказать Джек. – Наверное, плохо приходилось тем парням, которые пытались в тебя стрелять, Марша.

– Что делать, я старалась не оставлять им шанса. Ну а они тоже не дремали и старались не оставить шансов мне. Не думай, что я такая непобедимая. Меня дырявили двенадцать раз, и четыре раза довольно серьезно. – Марша вздохнула и начала собирать с пола гильзы.

Джек стал ей помогать, а потом неожиданно спросил:

– Послушай, Марша, а ты о чем-нибудь мечтаешь?

– Мечтаю ли я вообще? Наверное, мечтаю. Хочу умереть как солдат. Понимаешь?

– Нет, – признался Джек, – не понимаю.

– Годы берут свое, и я все больше похожу на старуху. Когда-нибудь меня шандарахнет инсульт, и я уже не смогу ходить в спортзал и стрелять из своего любимого «ТОРСО».

– И тогда жилыцы выпьют из батарей весь антифриз, – попробовал пошутить Джек.

– Да, и это тоже, – кивнула Марша. – Так вот, чтобы не дойти до такого позора, хотелось бы с честью уйти. В бою – понимаешь?

– Теперь понимаю.

– Я и так уже зажила на этом свете.

– А сколько тебе лет?

– Пятьдесят три.

– Но это же совсем немного, – возразил Джек, хотя с позиции его двадцати четырех возраст бабы Марши казался ему едва ли не рекордным.

– Все мои друзья из отряда не дожили и до тридцати. Все, кого ты видел на фотографиях, умерли молодыми. Так какой мне смысл коптить небо? О, да уже двенадцать! – взглянув на настенные часы, спохватилась баба Марша. – Вот ведь досада, забыла сделать обход.

– Ничего страшного, у кого-то останутся целыми ребра.

– Это точно. Ну ладно, иди к себе, а завтра приходи в спортзал. Придешь?

– Обязательно.

– Ну смотри, а то меня обманывать опасно.

9

Пожилой джентльмен задержался возле дверки лимузина, ожидая, когда шофер удосужится открыть ее изнутри. Пока он, что-то недовольно пробурчав, забирался в салон, Энрике Коррадо успел убедиться, что часы на клиенте.

«По четвергам мне везет», – подумал Энрике, осторожно трогая свой неброский «Дигли-Кросс» и пристраиваясь в хвост лимузину.

Пришла пора ставить точку в долгой операции по выслеживанию «ценного старикана» – так его назвал сам Папа Лучано, когда давал Энрике задание. Что представлял собой старикан, Энрике не знал, да его это и не интересовало. Цель была поставлена одна: Папе Лучано – часы, клиенту – пулю. Хотя чего особенного было в этих часах, сам Энрике не понимал – старая механика, неновый позолоченный корпус. Нет, конечно, если Папа Лучано сказал, Энрике сделает все как надо, но все же интересно, зачем Папе такое барахло?

Лимузин повернул налево, и Энрике тоже сделал левый поворот. Пока старикан ехал тем маршрутом, который он уже выучил наизусть.

«Сейчас повернет на проспект Лиги, проедет сто пятьдесят метров и свернет на шоссе 303», – прокрутил в своей памяти Энрике.

И действительно, лимузин свернул на проспект, но перестраиваться в скоростной ряд не стал. Вскоре он включил правый поворот, готовясь свернуть на шоссе 303.

«Ну вот, все строго по часам. Мышка сама идет в ловушку». Энрике самодовольно улыбнулся.

Лимузин накручивал километры, проходя насквозь кварталы и выбираясь на оживленные магистрали. Но поскольку Энрике знал, куда в очередной раз свернет машина клиента, он даже не следовал за ней, а потихоньку двигался по шоссе, ожидая, когда добыча снова появится перед ним.

Энрике прекрасно понимал: лимузин петляет по улочкам, чтобы проверить, нет ли «хвоста». Именно поэтому он туда и не совался, давая старикану увериться, что все нормально.

Тяжелая машина в очередной раз вырулила в пятидесяти метрах впереди Энрике, и он удовлетворенно кивнул, погладив спрятанный в кобуре пистолет.

«Уже скоро, ребята, – пообещал он, – уже скоро».

Самое подходящее место для операции Энрике присмотрел заранее. Он выбрал небольшой перекресток в районе старого порта. Дороги там плохие, прямолинейные участки короткие, так что, попытайся клиент ускользнуть на своем тяжелом корыте, у него ничего не выйдет.

У лимузина включились стоп-сигналы, и он сошел на второстепенную автостраду, которая вела к старому порту. Энрике вынул пистолет и положил рядом с собой.

Навстречу проехал ярко-красный кабриолет «NX». За рулем сидела шикарная женщина.

– Это надо же, – пробормотал Энрике, – такая баба в полном одиночестве, а я, как назло, на работе.

«Ну ничего, вечером утешусь с Лореттой. Лоретта – это то, что надо...» Энрике вспомнил, как пахнет ее кожа, и едва не врезался в продуктовый фургон.

– Смотри в оба, дебил! – заорал Энрике и понял, что ругает самого себя.

Между тем лимузин сделал последний поворот. Через семьдесят метров он должен был притормозить у неудобного перекрестка, где Энрике запланировал совершить нападение.

Чтобы было не так скучно, но больше из пижонства он включил радио и сразу поймал новый хит Бетти Эйдс.

«Твои губы горячее пламени...» – пропела Бетти Эйдс, и Энрике передернул раму пистолета.

Лимузин старикана притормозил возле перекрестка, и гангстер, надавив на тормоз, остановился в пяти метрах позади него.

«Но я не говорю „прощай“...» – прорыдала Бетти Эйдс, когда Энрике выскочил из машины и вскинул пистолет. Он целился через заднее стекло точно в голову водителя.

Раздался выстрел, потом второй, третий. Энрике ничего не понимал. Пули отскакивали от стекла, оставляя на нем еле заметные белые точки.

«Но я же проверял! Машина была обычная!» – оправдывался перед самим собой Энрике, а лимузин, дымя визжащими покрышками, стал заворачивать за угол.

– Не уйдешь, старикан! Не уйдешь!

Энрике запрыгнул в кабину и так вдавил педаль газа, что его машина пошла юзом и едва не сбила перебегавшую дорогу собаку.

«А если не везет, то, значит...» – продолжала петь Бетти Эйдс, но Энрике уже был не в том настроении. Он врезал кулаком по радиоприемнику, Бетти сразу замолчала, и теперь слышался только рев мотора и визг покрышек. Энрике медленно, но верно сокращал дистанцию, выигрывая у лимузина на поворотах.

Он был очень зол. Его провели, подменили машину на другую – бронированную, и теперь выполнение задания срывалось.

«Я не был бы Энрике Коррадо, если бы не предусмотрел такого поворота», – думал он, вытаскивая из-под сиденья штурмовую винтовку «монк» с отпиленным стволом. Это была уже серьезная артиллерия, способная прострелить мотор грузовика.

«Сейчас, сейчас... Возле поворота...» – подготавливал себя Энрике, поудобнее перехватывая винтовку.

Привлеченные шумом мчавшихся автомобилей, из окон выглядывали любопытные жильцы, но Энрике Коррадо не боялся никого, кроме полиции.

Когда машина Энрике уже почти наехала на хвост броневику, его водитель нажал на тормоз, пытаясь, катясь юзом, вписаться в поворот. Энрике, оценив мастерство водителя, прибавил газу и протаранил открывшийся борт лимузина, отчего тот ударился о стену дома и потерял драгоценные секунды.

Энрике выскочил из машины и открыл огонь по буксующему лимузину. После первого же выстрела бронированное стекло покрылось мелкими трещинами, и Энрике перестал видеть тех, в кого он стрелял. Возможно, они успели пригнуться или сам он взял неправильный прицел, но лимузин снова начал разгоняться, угрожая оставить Энрике с носом.

«Ну, дружок, достань его! Ну!» – мысленно уговаривал себя гангстер, посылая в живую машину пулю за пулей. Тяжелая отдача отбрасывала Энрике назад, но он снова наводил оружие на цель, отчаянно стараясь поразить ее. Он уже потерял всякую надежду, когда после очередного выстрела лимузин вдруг вильнул и врезался в аптечный киоск.

От сильного удара разбились витрины и обрушились полки с лекарствами. Сотни пузырьков и коробок с таблетками полетели на мостовую. От ближайшего подъезда к месту аварии заспешили двое, чтобы оказать пострадавшим помощь.

Энрике выстрелил в воздух, и добровольцы тут же испарились. Гангстер подбежал к лимузину и рванул на себя дверь, но нашел в салоне только труп водителя. Старикан исчез, а вместе с ним и часы для Папы Лучано.

Энрике выругался и побежал в ближайший проходной двор. Там он и настиг еще живого клиента, который пытался спрятаться за мусорными баками. Энрике добил его двумя выстрелами и, подойдя ближе, отдернул правый рукав. Часов не было.

Энрике знал, что часы были, и на всякий случай проверил карманы и левую руку, но и там было пусто.

– Эй, мистер, должно быть, я могу вам помочь.

Энрике резко повернулся, готовый нажать на курок.

– Только уберите вашу пушку, мистер, – попросил нищий, удобно разместившийся в стенной нише.

– Ты кто? – недружелюбно спросил гангстер, краем уха различая далекие полицейские сирены.

– Я тот, кто продаст вам информацию, мистер, – хитро улыбнулся нищий.

– Я тебя сейчас грохну, придурок, – пообещал Энрике и поднял обрез.

– Не стоит этого делать, мистер. Дайте мне пять кредитов, и я скажу, куда делись часы.

Вы ведь их ищете?

Полицейские сирены приближались. Энрике достал деньги и протянул нищему:

– Говори.

– О, премного благодарен. – Нищий выхватил деньги и, хитро прищулив один глаз, сказал: – Этот старик снял часы и отбросил их подальше, а тут проходил молодой парень и поднял их.

– Что за парень? Говори скорее.

Звук полицейских сирен доносился уже с соседней улицы.

– По-моему, я видел его у проходной «Доу-Форс», фирмы курьерской доставки.

– Больше ничего не скажешь? – посмотрев по сторонам, спросил Энрике.

– Больше я ничего не знаю.

– Это хорошо, – кивнул Энрике и обрушил приклад винтовки на голову несчастного.

Затем подобрал свои пять кредитов, вытер их о брюки и спрятал в карман.

Полицейские машины были уже совсем рядом. Энрике закинул винтовку в мусорный бак и побежал через двор.

10

Как и следовало ожидать, после вечернего возлияния Джек Холланд проспал на работу и теперь почти бежал, чтобы не подвести дока Байрона. Навстречу попадались редкие пешеходы. Они бросали на Джека ленивые взгляды, принимая его за бегуна-любителя. Но Джек не бежал трусцой, он просто мчался, опаздывал на службу.

Джек плохо знал город и придерживался маршрута, который запомнился ему с первого раза. Это была не самая короткая дорога, но на эксперимент у него не было времени.

«А может, все-таки срезать?» – думал он, понимая, что безнадежно опаздывает.

Проходные дворы манили своей доступностью и утренней пустотой. Достаточно было свернуть – и три минуты форы в кармане.

«Ну ладно», – решил Джек и повернул.

Первый двор оказался совсем маленьким. Джек едва не столкнулся с местным дворником, бросил ему: «Привет» – и побежал дальше, а дворник остановился с нагруженной мусором тележкой, пытаясь вспомнить имя человека, который с ним только что поздоровался.

«Надо меньше пить», – заключил дворник и двинулся к ближайшей помойке.

Высочив из тесного двора, Джек оказался в симпатичном тупичке, кончавшемся виллой преуспевающего лавочника. За два дома до виллы дорога сворачивала в следующий двор. Вбежав в него, Джек увидел распахнутое окно квартиры первого этажа, где совершенно нагая девушка занималась гимнастикой на пушистом ковре.

Она была очень красива, и Джек невольно замедлил бег. Красавица делала махи ногами и приветливо улыбалась Джеку, совершенно его не стесняясь.

– Рита, закрой окно! – послышалось из глубины квартиры.

– Оно закрыто, дорогой, – отозвалась гимнастка, посылая Джеку воздушный поцелуй.

– А я говорю, закрой. Я же вижу, что какой-то придурок опять пялится на наши окна.

Девушка прервала занятия и, подойдя к окну, слегка притворила раму. При этом она повела плечами, и ее грудь совершила неправдоподобно вызывающее движение. Джек проглотил слюну и поспешил дальше.

Следом за этим двором последовала улица, целиком состоявшая из офисных зданий, и ничего интересного на ней не было. С тайной надеждой Джек Холланд вошел в очередной проходной двор, но никаких гимнасток здесь не имелось, зато совсем недалеко послышались выстрелы.

«Какое насыщенное событиями утро», – подумал Джек. Он мысленно перенесся к доку Байрону, который, наверное, уже налегал на тяжелую бочку и поминал Джека разными нехорошими словами. До служебной проходной оставалось каких-нибудь триста метров, и в этот момент снова зазвучали выстрелы. Теперь стреляли совсем близко, а в паузах между выстрелами был слышен рев автомобильного мотора. Потом шум прекратился, и снова стало тихо.

«Все это не мое дело», – мелькнула у Джека здравая мысль, но внезапно он услышал стон, а затем к его ногам упали наручные часы. Джек удивленно остановился и поднял неожиданную находку.

Он посмотрел по сторонам, надеясь увидеть владельца часов, но никого не заметил. Джек пожал плечами и хотел уйти, но его привлек шорох, и тут он заметил лежащего за заборной решеткой старика.

– Ухо... ди... беги... беги... – хрипел раненый, и из его рта стекала окровавленная слюна. Сам не зная почему, Джек подчинился этому приказу.

«Беги», – услышал он и побежал, петляя по незнакомым закоулкам, перепрыгивая через клумбы и сбивая прохожих, сонно бредущих по своим делам.

Скоро, сам не понимая как, Джек очутился прямо перед проходной. Достав пропуск, он показал его охраннику, и тот открыл турникет. Джек посмотрел на настенные часы – они показывали без двух девять.

«Надо же – успел», – удивился он и, разжав кулак, осмотрел свой трофей.

Это были старые часы с потертым позолоченным корпусом. Джек поднес их к уху и прислушался. Часы тикали – это была самая настоящая механика. Увидев необычное клеймо с буквами, Джек присмотрелся повнимательнее и прочитал: «Клуб „Трайидент“».

– Клуб «Трайидент», – повторил Джек вслух. – Где он, интересно, находится, этот клуб?

Джек прокрутил в памяти обстоятельства, при которых заполучил эти часы.

«А старик-то, наверное, умер, – подумал он и тут же вспомнил очаровательную гимнастку. – Ее звали Рита», – улыбнулся Джек. Он решил, что завтра пойдет на работу тем же путем.

Убрав часы в карман, Джек пошел искать раздевалку, где был пока что только один раз и не очень хорошо запомнил дорогу.

Как и следовало ожидать, он все-таки заблудился, но ему помог Позитрон, который в ожидании скорого награждения был сама любезность и довез Джека до раздевалки на электрокаре.

– Ну, конечно, такой человек может прибыть только на личном автомобиле! – воскликнул Байрон, уже облаченный в полный комплект спецодежды.

Махнув на прощанье рукой, Позитрон укатил по своим делам, а Джек поспешил в раздевалку.

– А я уже подумал, что ты решил установить рекорд по пребыванию на должности младшего дерьмососа, – со смешком проговорил Док.

– А какой рекорд был до меня? – спросил Джек, застегивая «молнию» комбинезона.

– Три дня, пять часов и тридцать две минуты.

– Откуда такая точность?

– Шланг высокого давления лопнул, и струя субстанции ударила прямо в моего напарника. С его часов сорвало стекло, и они встали, навечно зафиксировав момент, когда тот парень сказал себе: «Баста, лучше смерть от голода, чем подневольный труд безвестного ассенизатора».

– И ушел?

– Только его и видели.

– Кстати, – вспомнил Джек, – смотри, что у меня есть.

– Эй, ты не так надел очки. Вот так надо. – Док помог Джеку подтянуть ремешок, и напарники отправились за своей бочкой.

– Так ты украл часы или как? – неожиданно спросил Байрон.

– Почему сразу украл? – удивился Джек.

– Но не в магазине же купил?

– Мне подарили.

– Кто подарил? Кто подарил тебе часы? Тебе, человеку, который живет в этом городе только три дня. Небось мне бы не подарили. Кто поможет несчастному доктору философии, особенно если он черный? Расовая дискриминация, однозначно.

Бочка оказалась на прежнем месте. Байрон приподнял ее за раму и приказал Джеку покрутить колеса, чтобы проверить ход. Как выяснилось, одно колесо звучало не так, как должно было звучать.

– А мне кажется, что все нормально.

– Это естественно – ты еще новичок. Слушай внимательно, я тебе сейчас все объясню. Если колесо издает звук «шисс-шисс», это нормально, но если вдруг «жжу-жжу», то дело плохо. Подшипник полетел.

– И что, будем менять подшипник?

– Еще чего. Это дело дежурного механика. Мы только известим его о состоянии ходовой части, а он, естественно, пошлет нас подальше, и тогда мы со спокойной совестью пойдем работать.

– Тогда какой во всем этом смысл? – не понял Джек.

– Смысл в спокойной совести, коллега.

– А-а, понял.

– Я рад, – кивнул Байрон и, словно для самого себя, добавил: – Одно слово – пилот: выпивка, бабы, покер.

– Ну что, можно опускать шасси?

– Конечно, или ты думал, что тебе за это будут деньги платить?

Джек опустил бочку, и напарники покатали ее к месту работы.

На сегодня первым числился причал номер двенадцать, где стояло судно пилота Ника Декодера. Байрон считал его своим другом и не упускал случая завести приятную беседу.

– Привет, Бэри, – махнул рукой Декодер, когда ассенизаторы остановили свою бочку напротив кормы судна.

– Привет, Ник. – Байрон снял перчатку и пожал Декодеру руку. Затем прошел на корабль, толкнул дверь туалета и спросил: – Ну что тут у вас?

– Да что и обычно.

– Так я и думал, – огорченно кивнул Байрон.

– Ну, так ты берешь?

– А что мне остается? Джек, тащи сюда шланг.

Джек размотал шланг высокого давления и протиснулся с ним в маленькое помещение.

– Познакомься, Ник. Это Джек Холланд. Он тоже пилот, но пока что пилотирует мою бочку.

– Понятно, – кивнул Декодер. – Но ничего, Джек, не горюй. От бочки до уиндера рукой подать.

– Спасибо на добром слове, сэр, но где тут у вас сливной узел?

Чтобы не мешать Джеку, Ник и Байрон вышли на причал. Они обменялись последними новостями, а когда Джек присоединил штуцер, Док крикнул:

– Выходи, Джек, узел здесь нормальный и держать его не нужно! – С этими словами Док включил насос.

Бочка завибрировала, и разговаривать рядом с ней стало невозможно. Пришлось отойти к соседнему причалу, где Байрон неожиданно устроил Джеку допрос:

– Так кто подарил тебе часы, а?

– Старик один, – неохотно ответил Джек. Ему не хотелось ничего рассказывать при незнакомом человеке.

– Ника не бойся. Он свой и тебя не выдаст.

– Я же говорю, какой-то незнакомый старик отдал мне эти часы.

– Вот это да! – покачал головой Байрон. – Он что-нибудь сказал, этот добренький старикашка?

– Сказал «бери и беги».

– А что потом?

– Я думаю, он умер.

– У-тю-тю-тю... – Байрон посмотрел по сторонам и, перейдя на шепот, спросил: – Неужели эти часы были тебе так необходимы, Джек? Разбой – дело неприятное. В особенности при судебном разбирательстве. Сколько на Бургасе дают за разбой, Ник?

– Думаю, лет двадцать.

– Да никого я не убивал, Байрон! – рассердился Джек. – В него стреляли. Я сам слышал эти выстрелы.

– Тогда вопрос снят, – развел руками Байрон.

11

Звуки мощных ударов проникали даже через дверь, и Джек помедлил пару секунд, прежде чем решился войти в спортзал.

Баба Марша прыгала возле боксерской груши и голыми руками молотила ее что есть силы. Увидев вошедшего Джека, хозяйка зала коротко ему кивнула, не прекращая избиение ни в чем не повинной груши.

Изредка Марша доставала «противника» ногой, и это нравилось Джеку больше всего, поскольку он не ожидал от немолодой женщины такой гибкости и точности исполнения.

Наконец Марша закончила упражнения и подошла к Джеку.

– Привет, – улыбнулась она.

– Привет, – ответил немного скованно Джек.

Вчера он общался с Маршей запросто, но лишь благодаря кальядосу. Теперь же перед ним снова был малознакомый человек.

Джек сравнил бы ее с медведицей – такая же крепкая, с виду неповоротливая, но в драке стремительная и смертельно опасная.

– Ну что, Джек, начнем заниматься?

– Начнем, – ответил он, пожав плечами.

– Вижу, что ты парень накачанный – тут все в порядке, и, бьюсь об заклад, девчонкам ты нравишься, но у меня, старой бабки, свои запросы. Давай проверим, насколько ты вынослив.

– Бегать будем?

– Нет, скорее прыгать. Я надену тяжелые «лапы» и буду тебя атаковать. В таких рукавичках быстро не помашешь, поэтому от ударов ты будешь уходить без труда. Вопрос в том, как долго ты сможешь это делать.

Марша сняла с полки пару тренировочных «лап» и, надев их на руки, стала похожа на землеройный агрегат. Она поманила Джека на середину зала и, едва он остановился,скомандовала:

– Начали! – Марша в бешеном темпе принялась махать тяжелыми «лапами».

Поначалу Джеку было нелегко, он больше боялся, чем уставал, к тому же Марша время от времени страшно рывкала и этим пугала Джека. Ее легкие работали, как мехи, и Джеку подумалось, что она, наверное, может двигаться в таком темпе хоть целые сутки.

Вскоре с него уже градом катился пот, но пока что это были нагрузки, к которым Джек был готов. Тренер по боксу, случалось, гонял его и посильнее, правда, не надевал таких тяжелых «лап».

Внезапно Марша сменила темп, и Джек пропустил касательный удар. От чувствительного сотрясения слегка поплыл фокус, но Джек взял себя в руки, стараясь не думать о последствиях прямого попадания.

Между тем время шло, а Марша продолжала работать, как ветряная мельница. Тяжелые «лапы» весили не менее килограмма каждая, и Джек поражался выносливости Марши – она совершенно не уставала.

Она – нет, а Джек – да. Он уже не мог уходить «чисто» и стал подставлять руки. Однако удары были настолько сильны, что Джек отлетал в сторону. Это давало ему хотя бы пару секунд, чтобы перевести дух.

– Берегись, Джек, я начинаю тебя убивать! – страшным голосом прокричала Марша, и на Джека обрушился настоящий шквал ударов.

Поначалу он пытался защищаться, но скоро понял, что нужно просто спасти свою жизнь. Однако это было не так легко. Марша зажала его в угол и не позволяла выйти, загоняя обратно сильными ударами ног.

Джек пропустил удар в голову и почувствовал, что поплыл основательно. «Сейчас она меня добьет, – пронеслось у него в голове, а перед глазами встал окровавленный Виктор Бичер. – Но ведь я не пил антифриз! За что же меня бить?..»

Волна справедливого негодования придавала Джеку сил. Увидев летевшую в лицо «лапу», он успел пригнуться – и тут же получил ногой в солнечное сплетение. Удар отбросил его к стене, но Джек кинулся вперед, чувствуя, что у него открылось второе дыхание. Его руки стали необычайно быстрыми, а удары Марши уже не казались такими сильными. Он прибавил темп и как будто начал теснить Маршу.

– Все, Джек, хватит! – крикнула она, но Джек ничего не слышал и продолжал атаковать. Пока что он попадал только по рукам, но ему очень, очень хотелось хоть разок приложить Маршу как следует. – Хватит, Джек, остановись! – еще раз крикнула баба Марша и, заметив, что Джек ее не слышит, сбила его подсечкой.

Джек грохнулся на пол и вдруг почувствовал, что подняться уже не в силах. «Второе дыхание» оставило его, он лежал, судорожно хватая ртом воздух, пока Марша не поставила его рывком на ноги.

Дыхание начало было выравниваться, но внезапно Джек зашелся в кашле. Он хрипел и задыхался и никак не мог успокоиться. Наконец приступ все же прошел, и Джек, как ни странно, почувствовал необычайную легкость.

– Ну, как тебе разминка, Джек? – с улыбкой спросила Марша, увидев, что тот в состоянии что-то слышать.

– Мне... понравилось...

– Стрелять пойдем?

– Конечно. – Джек кивнул головой и пошатнулся.

– Ну-ну, парень... держись, – пробормотала Марша, подхватывая его под локоть.

Они перешли в тир, и на этот раз Джек сам выбрал тяжелый «ТОРСО».

– Тебе же нравился «лилит», – напомнила Марша.

– Я хочу быть как ты... – серьезно сказал Джек и пошел на огневой рубеж.

Марша запустила ему одну мишень и остановила ее на тридцати метрах.

– Прежде чем ты начнешь стрелять, Джек, я хочу дать тебе совет. Чтобы поразить мишень, нужно не просто правильно целиться и плавно нажимать на курок. В момент выстрела нужно остаться с мишенью как бы один на один. После той взбучки, которую я тебе задала, ты, я думаю, понимаешь, что я имею в виду.

– То есть?

– Ну вспомни, о чем ты думал, когда я начала тебя молотить? Только о правильности техники, чтобы все было красиво, о ровном дыхании, чтобы не устать раньше времени, о ногах, чтобы разогрелись мышцы и их не свело судорогой.

– Ну да.

– А что случилось, когда я зажала тебя в угол и ты не на шутку струхнул? Ты пропустил сильный удар, поэтому страх и напряжение ушли. Исчезли рамки, в которые ты себя загонял. У тебя появилась единственно правильная цель – во что бы то ни стало въехать по физиономии бабушке Марше.

Это была чистая правда, и Джек невольно улыбнулся.

– Вижу, ты меня понимаешь, парень. Так вот, теперь ты должен смотреть на мишень так, будто, кроме нее и тебя, ничего вообще не существует. Понял? Когда настроишься, поднимай пистолет и стреляй, а если не настроишься, можешь даже не пробовать.

Возбуждение после «взбучки» еще не прошло, и Джек совершенно отчетливо понял, о чем идет речь. Он сразу поднял пистолет и открыл огонь. Он выстрелил раз... другой... третий... и опустил оружие.

– Ну? Что же ты не стреляешь еще? – спросила Марша.

– Оно ушло... Это состояние – оно у меня кончилось.

– Если ты это заметил – уже неплохо.

Марша запустила «ползун», и картонка с мишенью приехала обратно. Джек отцепил лист и посмотрел на результаты своей стрельбы. «Десятки» не было, пришлось довольствоваться только «шестеркой», но все три пули легли очень кучно – одна возле другой.

– Ну что ж, для начала годится и такой результат. Особенно если учесть, что из этой «пушки» ты стрелял впервые.

– Так, значит, если пребывать в этом состоянии, то попадание в «десятку» гарантировано?

– Конечно. Стопроцентная гарантия.

– Но ведь ты сама говорила, что тебе случалось промахиваться. Выходит, нет стопроцентной гарантии?

– Ты не понял, Джек. Если ты в правильном настрое, то гарантия есть. Но нет гарантии, что ты уже достиг этого состояния, когда начал стрелять. Мы живые люди, Джек, и постоянно думаем о еде, сексе, кому-то завидуем, кого-то любим. Нам трудно контролировать свои мысли. Поэтому не всегда можно настроиться должным образом. В особенности когда у тебя на это просто нет времени. Ты понял, о чем я?

– Да, понял.

– Когда много тренируешься, то возникает такое чувство, будто видишь полет пули. Вот почему ребята в нашем отряде не доверяли всяким новшествам вроде пистолетов с лазерной разгонкой или реактивным боеприпасом. Мощи в них много, но контроля над таким оружием добиться трудно. А без контроля нельзя – слишком большой риск. Поэтому я люблю традиционную баллистику. Выстрел, полет и попадание.

– Целая наука, – покачал головой Джек.

– А то... – согласилась Марша. – Ну ладно, на сегодня давай закончим. Если будут силы, приходи завтра.

12

Проснувшись утром, Джек Холланд чувствовал себя так, словно он после тяжелого похмелья свалился со строительных лесов, притом не раз. Однажды он видел такой трюк в кино. Человек пробивает один настил, потом другой, потом третий и так далее, до самой земли. Киногерой, конечно же, остался жив, но, наверное, чувствовал себя не лучше, чем Джек в это ясное утро.

Наскоро собравшись, он, морщась от боли во всем теле, выполз на улицу. Приближалась зима, и, несмотря на ясную, солнечную погоду, по утрам было довольно холодно.

Утренняя свежесть прибавила Джеку бодрости, и он стал поглядывать на девушек, которые в столь ранний час были еще не готовы принимать знаки внимания и сонно смотрели перед собой сквозь намазанные тушью ресницы.

Отгороженные барьером потоки машин постепенно набирали силу, нервно сигналили и, набиваясь в плотные ряды, ныряли в вечную темноту подземных магистралей.

На высотном здании расцветал яркими картинками рекламный экран. Джек бросил на него короткий взгляд – там была изображена девушка в гимнастическом купальнике. Она сделала взмах ногой, и Джек вспомнил Риту, за которой подсматривал через окно.

«Пойду по короткой дороге», – решил он и свернул в проходной двор. Джек шел, предвкушая несколько мгновений эротического спектакля, однако, когда он добрался до Ритино двора, ее окно оказалось наглухо закрытым. Изнутри висели плотные занавески, и Джеку осталось лишь гадать, что поделявает эта озорница.

Быть может, строгий муж положил конец бесстыдному поведению супруги, а может, она поздно вернулась с вечеринки и теперь отсыпалась, наплевав на режим и здоровый цвет лица.

Погруженный в эти размышления, разочарованный Джек незаметно добрался до работы. У проходной он заметил подозрительного субъекта.

Это был типичный громила, гангстер средней руки. На нем был длинный темный плащ и низко надвинутая шляпа, из-под которой сверкали злобные глазки. Громила стоял возле самой двери и внимательно рассматривал каждого человека.

«Тут что-то не так, – решил Джек и ощупал лежавшие в кармане „трофейные“ часы. Почему-то он сразу подумал, что этот подозрительный тип ищет именно их. – Может, отдать ему часы и поставить на этом точку?» Что-то, однако, подсказывало Джеку, что в этом случае его проблемы только начнутся.

Проскочив мимо громилы, Джек вошел внутрь и чуть ли не бегом отправился в раздевалку, чтобы посоветоваться с доком Байроном.

– Вижу, вижу, что ты исправляешься, Джек! – встретил Джека приятель. – Так, глядишь, со временем из тебя выйдет хороший ассенизатор.

– Да ладно тебе, Док, – махнул рукой Джек. – У меня к тебе вопрос.

– Вопрос? Какой вопрос?

– Мне нужен твой совет.

– Ну, этого у меня сколько угодно. В чем проблема?

– У проходной стоит какой-то подозрительный тип. Рожа у него бандитская, и он ищет те часы, что я подобрал на тротуаре.

– Ты же говорил, что тебе их подарили.

– Ну да, тот старик бросил их на тротуар и сказал: «Бери и беги...»

Байрон скорчил страшную физиономию, и Джеку показалось, он над ним издевается.

– Не принимай это на свой счет, – посерьезнел Док. – Упражнения для лицевых мышц помогают мне думать.

– Что-то я раньше не замечал, чтобы ты корчил рожи.

– Раньше ты не задавал мне таких трудных задачек. А скажи, с чего ты вдруг решил, что этот парень ищет часы? Он что, спросил у тебя, который час?

– Нет, мне показалось, что он смотрел людям на руки.

– Давай отложим решение этой проблемы на послеобеденное время, а то у нас сегодня авральный день, надо подумать о работе.

Джек послушно открыл свой шкафчик и начал переодеваться. Управился он быстро и вскоре предстал перед Байроном в полной боевой готовности.

– Молодец! – расплылся в улыбке Док. – Чувствуется строевая жилка. Наверное, это у тебя наследственное. Кем был твой отец?

– Бухгалтером.

– Да? Ну все-таки – точные цифры, всякий там дебет-кредит...

Напарники вышли из раздевалки и неожиданно повстречали Мэри Келли. Джек подивился ее росту. Девушка оказалась выше его, не говоря уже о Байроне.

– Привет, Келли. Ты что, заблудилась? – спросил Байрон.

– Привет, ребята. Нет, я к вам.

– Увы, Келли, сейчас мы очень заняты, так что приходи в обеденный перерыв.

– Да мне не ты нужен, а твой парень. – Келли указала на Джека.

– Это и ежу понятно – он моложе.

– Да нет, мне в час дня привезут оргтехнику, так я людей собираю для разгрузки. Сони Дади придет и еще один парень с ним, ну, и твой Холланд будет не лишним. – Келли посмотрела на Джека долгим взглядом, но под защитой резиновой робы он чувствовал себя неуязвимым.

– Ты вроде опять юбку укоротила, Келли? – спросил Байрон.

– Ты меня уже достал с этой юбкой, Бэри, – продолжая смотреть на Джека, сказала девушка. – В общем, жду твоего мальчика в тринадцать ноль-ноль возле офиса.

Келли развернулась и пошла прочь, а Джек и Док Байрон не отрываясь смотрели ей вслед, пока красotka не скрылась за углом.

– Ну ладно, Джек. Теперь пойдем за нашей бочкой. Нужно обработать три уиндера и еще успеть на награждение.

– Какое награждение?

– Ну как же? Позитрона и Лоди Айзека.

– Так награды же еще не готовы.

– Готовы. Я уболтал гравера и добавил по пять кредитов за срочность.

– А почему такая спешка?

– В ресторан очень хочется, а тратить деньги, за которые еще не отчитался, не в моих правилах.

Ассенизаторы добрались до бочки, снова проверили ее колеса и покатали экипаж к семнадцатому причалу.

Байрон толкал бочку молча, и у Джека была возможность подумать о Мэри Келли. Ее походка, жаркий, притягивающий взгляд произвели на него впечатление. Даже картинки внезапной встречи с Ритой и те потускнели. Рита была неизвестно где, а Келли ожидала его ровно в час дня.

– Кстати, – заговорил вдруг Байрон, – у тебя эти часы с собой?

– А? С собой, конечно.

Продолжая толкать бочку, Джек достал трофей и протянул Байрону. Тот повертел вещь в руках и вернул обратно.

– Ничего особенного, – сказал Док. – Хотя, возможно, внутри корпуса спрятана зашифрованная записка.

– С чего вдруг?

– А кому нужно устраивать такую свалку из-за какого-то будильника? Ты вскрывал корпус?

– Нет.

– А надо бы. Про клуб «Трайидент» я что-то слышал, но что именно – не помню.

– Так как же мне быть с тем громилой у входа? – вспомнил Джек. Он остановил бочку и начал разматывать шланг.

– Подожди, тут я пока ничего не придумал. Он знает тебя в лицо?

– Откуда?

– Тогда сиди и не рыпайся.

13

Последняя полная бочка была слита в накопитель, и ассенизаторы отправились переодеваться.

– Ты постарайся успеть на награждение, – сказал Байрон. – Мне это нужно для кворума. От того, как пройдет эта церемония, будет зависеть финансовый успех нашей с тобой фирмы.

– Какой фирмы?

– Ну как же, Джек? Мы основали общество «Помним о каждом». Ты разве не знал?

– Помним о каждом, кто своевременно внес оплату?

– Это уже детали. Главным является принцип – честный труд должен быть отмечен не только зарплатой, но и благодарностью общества.

– Хорошо, я постараюсь разгрузить эту оргтехнику побыстрее, – пообещал Джек, чем вызвал у Байрона приступ дикого хохота.

Когда Док наконец успокоился, Джек спросил:

– А что здесь смешного?

– Да ты что, парень, не понял, зачем она тебя позвала?

– А ты уверен, что твои глупые враки уже дали результат?

– Еще как уверен.

Напарники вошли в раздевалку и начали стягивать с себя отсыревшие комбинезоны. Джек успел сделать это первым и побежал занимать душ.

«Что же это я делаю? – внезапно подумал он. – Тороплюсь на свидание с этой лошадкой Келли?»

Джек попытался разобраться в своих ощущениях подробнее, но ему было всего двадцать четыре года, и солидные габариты Келли вовсе не казались ему недостатком. Наоборот, втайне он симпатизировал именно крупным девушкам. Не толстым, но крупным. Он вспомнил, как половина школы дразнила Диди Айсман «дылдой», но ему Диди казалась очень симпатичной девочкой. А когда все разобрались, что «дылда» не лишена привлекательности, было уже поздно. Она принадлежала только Джеку.

– Эй, ты что, забыл, что тебя ждет Злючка Келли? – спросил из-за двери Байрон, постучав по ней костяшками пальцев.

– Уже иду, Бэри, – опомнился Джек и начал спешно смывать с себя пену.

Когда он наконец вышел из душа, Байрон скорчил брезгливую гримасу и сказал:

– Джек, ну разве не противно быть таким белым? Ты бы хоть под ультрафиолетовой лампой позагорал.

– Да ты сам лучше... искупался бы в хлорке, – с запозданием нашелся Джек.

– Расист! – крикнул из душа Байрон и стал насвистывать какую-то бравурную мелодию.

Джек быстро оделся и с мокрыми волосами выскочил из раздевалки. Он еще плохо знал территорию «Доу-Форс», но офис главы фирмы нашел довольно быстро.

За пять минут до назначенного срока он был уже на месте – и никого там не обнаружил. Кругом стояла тишина, дверь в приемную Дэниела Глосберга оказалась закрытой.

«Обманула, сволочь, – решил Джек. Тут ему вспомнилось, что завтракал он сегодня чисто условно. – А Байрон, наверное, снова взял на десерт фруктовые пирожки». От таких мыслей у Джека заурчало в желудке, и он совсем уже было решил идти в столовую, когда дверь приемной неожиданно приоткрылась и в щель выглянула Мэри Келли.

– Уже пришел? Ну заходи.

Джек проскользнул в приемную и почти не удивился, увидев Келли в трусиках и кофточке.

– Короче, так, парень, – не поверю, пока не смогу убедиться лично. Понял?

– Понял, – кивнул Джек.

– Тогда начинай и постарайся довести меня до обморока, а то вылетишь с работы в два счета, – ультимативным тоном проговорила Злючка Келли и, освободившись от остатков одежды, разлеглась на столе.

«Сама-то небось пообедала», – подумал Джек, приступая к решению проблемы.

О том, что он любит рослых девушек, Джек позабыл. Его схватил вдруг такой голод, что не осталось места ни для каких иных мыслей и ощущений, хотелось только одного – поскорее отделаться и бежать в столовую. И Джек заработал с энергией хорошо отлаженной машины.

«Да что же это со мной такое? – удивлялся он. – Почему я так хочу есть?»

Из самых отдаленных глубин памяти всплыла книга «О вкусной и здоровой пище». Когда Джек мальчишкой гостил у бабушки, он мог часами рассматривать яркие иллюстрации и читать непонятные рецепты.

«...На триста граммов рассыпчатого риса необходимо сто граммов сметанного соуса, томленного в духовке со свинными шкварками».

– Хор-рошо-хор-рошо... – закатывала глаза Келли. Письменный стол слегка поскрипывал, но пока держался.

Джек вспомнил труды одного философа древности, который считал секс движущей мировой силой. За это бедняга даже получил прозвище «фаллоцентрист». Было время, когда Джек был склонен верить в истинность такой философии, но только не сейчас.

– Ай... Ай, как хор-рошо... – стонала Мэри Келли.

«...После того как у отбивной подрумянится корочка, положите ее в натертый сыр и полейте сверху майонезом...» – пришло из далекого детства новое воспоминание.

Джек попытался припомнить, занимался ли он когда-нибудь сексом на голодный желудок, но прецедента не нашел.

«Она сказала – довести до обморока, – вспомнил Джек заказ Мэри Келли. – А если до обморока не получится, то что, оставаться без обеда?»

Джек прибавил оборотов, и шантажистка Келли тут же отозвалась:

– О! Сволочь!.. О! Скотина!.. Как же хорошо!.. О! Сволочь!..

«...И поливать баранью ногу чесночной подливкой, своевременно переворачивая ее над огнем».

«И зачем я тогда читал эту книгу? – начал жалеть Джек. – Лучше бы делал уроки». Ему вспомнилось, что ездил он к бабушке только на каникулах и никаких уроков делать было не нужно. Это воспоминание отвлекло Джека от гастрономических страданий, и он обратил внимание на Келли. За мыслями о всяких вкусностях он совсем забыл, что девушка была бы очень даже ничего, если бы, конечно, не закатывала глаза. Да и язык высовывать было совершенно необязательно.

В какой-то момент Джеку показалось, что Келли уже в обмороке, но стоило ему остановиться, как ее лицо приняло живое стервозное выражение и красотка сказала:

– Устал, что ли, кобель вонючий?

– Нет, – буркнул Джек, и было непонятно, относилось ли это «нет» к его усталости или к «кобелю вонючему».

Отступившие поначалу голодные судороги вдруг вернулись с новой силой, и Джек опять затосковал по фруктовым пирожкам с потеками расплавленного сахара. Виртуальные пирожки манили и были доступными, стоило только выполнить заказ Келли, но она была выносливой особой, и на легкую победу рассчитывать не приходилось.

Прямо возле рассыпавшихся по столу волос Келли находилась портативная пишущая машинка. Она казалась легкой и совершенно неопасной. Джек представил, как он бьет Келли машинкой по голове, а потом, уже после обеда, объясняет ей, что это и был заказанный обморок.

«Но ведь останется синяк. Как объяснить его происхождение?» Пока Джек искал способ сбежать в столовую, письменный стол не выдержал и с грохотом сложился пополам. Джек ухватил Келли за ноги, пытаясь уберечь ее от травм, но девушка оказалась слишком тяжелой и упала на руины стола, потянув с собой и его.

Келли вскрикнула от боли и, выгнувшись дугой, прохныкала:

– Ой! Ну ладно... будем считать это обмороком.

14

Джек вбежал в столовую в тот момент, когда Байрон заканчивал свою торжественную речь. Обедавших в зале было совсем немного, и все они с интересом выслушали перечень подвигов и заслуг Лоди Айзека, которому Бэри по окончании длинной речи приколот на грудь орден.

– Вот и Джек явился, очень кстати. Поздравь Лоди, Джек.

Джек наскоро пожал механику руку и, потянув носом, спросил:

– Пирожки еще остались?

– Конечно, Джек, для людей, работающих на разгрузке оргтехники, у нас всегда оставляют резерв.

Байрон заглянул на раздачу и помахал кому-то рукой, после чего усадил Джека за свободный столик.

– Жди, дорогой, сейчас все будет.

Сам Бэри присел рядом и, уставившись на приятеля, произнес:

– Ну?

– Что «ну»? Пирожки где?

– Подожди, сначала нужно скушать первое, потом второе, а уже потом и пирожки.

– Все так, Бэри, только на первое будут пирожки, – сказал Джек таким странным голосом, что Док решил с ним не спорить.

Возле входа в зал еще гомонили возбужденные торжеством механики. Они по очереди притрагивались к ордену и едва не касались награды носом, стараясь разобрать надпись.

– Здравствуйте. – Возле стола появился давний поклонник дока Байрона. Он приволок огромный поднос, уставленный разными деликатесами, выходившими далеко за пределы стандартного обеда.

Не дожидаясь, пока все будет расставлено на столе, Джек схватил пару пирожков и проглотил их, практически не жуя.

– Да что с тобой? – удивился Байрон.

– Все, теперь уже ничего, – пробормотал Джек и не спеша принялся за суп. – Кстати, кто платит за этот пир?

– Угощение, – снисходительно улыбнулся Док.

– От кого?

– Я пообещал этому поваренку значок на закрутке с надписью: «Лучший на раздаче».

– Понятно. А что ты написал Лоди Айзеку?

– «Лучшему кинематику».

– А при чем здесь кинематика? – не понял Джек.

– При том, что кинематика – это часть механики. А если Лоди Айзек механик, то почему бы ему не быть кинематиком? И потом, Джек, он заплатил пятьсот кредитов. Не мог же я подойти к его заказу формально!

– А что написано на медали Позитрона?

– Сони – электрик, и с ним все проще. На лицевой стороне – «Лучшему электрическому работнику», а на обратной – «За годы труда под напряжением».

Некоторое время Байрон молча смотрел, как Джек поедает обед, наконец не выдержал:

– Ну так что там у вас было с Келли?

Джек оторвался от тарелки с сыром и, немного помедлив, словно вспоминая, сказал:

– Если честно, я больше думал о еде. Но ты, Бэри, больше не трепись о всяких там обмороках.

– Так ведь я только для красного словца... – стал оправдываться Док.

– Вот-вот, ты наврал с три короба, а мне приходится соответствовать. – Джек забросил в рот кусок ветчины и добавил: – Между прочим, стол сломали.

– Могу себе представить... – кивнул Бэри.

– И еще она угрожала меня уволить.

– Не уволит. А если и уволит, то ты теперь не пропадешь – у тебя есть новая специальность. Скажи мне спасибо.

– Шпафибо, – с полным ртом поблагодарил Джек и встал из-за стола.

– Да, ты прав, товарищ. Дело не ждет. – Байрон тоже поднялся со своего места, и напарники пошли работать.

15

День шел за днем, и Джек постепенно начал втягиваться в круговорот своей новой жизни на Бургасе. Работа, болтовня с Байроном, занятия с бабой Маршей полностью заполняли его дни. Вскоре наступили холода, и целых два месяца пришлось ходить на работу по свежему снегу. Правда, к обеду снег таял, и, возвращаясь в общежитие, Джек уже шлепал по грязным лужам.

Премудрости, вдалбливаемые бабой Маршей, давались Джеку нелегко, но все же он постигал их, медленно, но верно совершенствуя свою технику и учась тому, чего раньше не умел.

«ТОРСО» стал его любимым оружием, и первые четыре пули он теперь легко вгонял в десятку с тридцати метров. Дальше дело пока не шло, но Марша уверяла, что прогресс неминуем, поскольку Джек относится к занятиям серьезно.

Не то чтобы он хотел стать бойцом какого-нибудь штурмового подразделения, нет. Просто Джеку нравились эти тренировки. К тому же вела их баба Марша – человек, которого не каждому суждено встретить.

От занятия к занятию Джек становился хладнокровнее, и бабе Марше все сложнее было загонять его в угол.

«У тебя заметные успехи», – говорила Марша, когда они отдыхали после жестоких спаррингов. А однажды Джек до того разошелся, что сумел «приложить» Маршу в голову. Она едва не упала, но опыт есть опыт, и Джек был тут же «наказан». Его ребра уцелели, однако целую неделю потом он не мог работать в спарринге и при вдохе чувствовал в легких боль.

«Надеюсь, я не отбила у тебя охоту к тренировкам, Джек? Я бью тебя не для того, чтобы запугать, – объясняла баба Марша. – Я хочу, чтобы ты знал, что в ответ на твою удачную атаку может последовать не менее удачная контратака. Ты вложил все силы в нападение и, когда смазал меня по морде, решил, что победил. Нельзя ставить все на один только удар. Это ошибка, Джек, которая в других условиях может оказаться роковой».

Обитатели общежития давно заметили, что у Джека с Маршей какие-то общие дела. Замешенное на страхе уважение к комендантше частично перешло и на самого Джека Холланда. С ним здоровались подчеркнуто вежливо и даже, случалось, обращались за разрешением спорных вопросов. Поначалу Джек отказывался от роли судьи, однако среди жильцов конфликты возникали довольно часто, так что волей-неволей ему приходилось заниматься внутренним урегулированием.

Все это время Джек по-прежнему жил в комнате один. По всей видимости, баба Марша намеренно никого к нему не подселяла, и его это вполне устраивало.

На работе все шло без изменений. Место пилота Джеку не светило, но и со старого его не увольняли. Ходил слух, что Келли все же пыталась убрать Джека из фирмы, но босс отказал ей, сославшись на дефицит хороших ассенизаторов.

Байрон по-прежнему часто обещал повести Джека в ресторан в центральной части города, но он уже давно в это не верил и относился к постоянным обещаниям Дока как к неизбежному природному явлению. Каково же было его удивление, когда однажды, придя на работу, Джек услышал:

– Ну, Холланд, сегодня мы идем в «Черную жемчужину».

– С чего вдруг, Док? Ты продал сотую медаль?

– Не совсем сотую и не совсем медаль, но дельце провернул выгодное.

Джек недоверчиво улыбнулся и стал надевать комбинезон.

– На этот раз все правда, – ударил себя в грудь Бэри. – У меня даже деньги с собой.

И он действительно показал Джеку деньги и демонстративно их пересчитал. У него было полторы тысячи кредитов.

– Вот так-то, мой дорогой друг. Идем сегодня после работы.

– Но у меня нет приличной одежды.

– Ну и что? У меня тоже нет, но существует прокат. Я уже заказал пару смокингов в салоне «Ист-Старс». И темно-синий лимузин из гаража Лео Шеффилда.

– Однако ты разошелся, – покачал головой Джек.

– Держись дока Байрона, парень, и в твоей жизни все будет о'кей, – самоуверенно пропел Бэри и сделал ногами замысловатое па.

– Ну хорошо, Док. Позволь тогда задать тебе один вопрос.

– Задавай.

– Где мы возьмем пропуск в центр города?

– Доверься мне, парень. Док Байрон все устроит.

16

После работы Джек и Байрон, не задерживаясь, отправились на такси в город. Док сам поймал машину и назвал неизвестный Джеку адрес.

Был вечерний час пик, и автомобили двигались в четыре, а кое-где и в шесть рядов. Самые дорогие авто нетерпеливо сигналили и угрожающе рычали мощными моторами, а те, что попроще, покорно уступали дорогу.

Но на таксиста, который вез Джека и Байрона, подобные угрозы не действовали. Он ехал так, как считал нужным, и не обращал внимания даже на громкие ругательства.

Наконец машина свернула на второстепенную магистраль, а потом выехала на спокойную улицу, куда не доносился шум с большого проспекта.

Такси остановилось, и Док небрежно бросил водителю деньги, сказав:

– Сдачи не надо.

Таксист прикинул сумму чаевых, завел мотор и уехал, подарив на прощанье презрительную ухмылку.

А Бэри еще долго смотрел ему вслед и возмущался:

– Нет, ну ты видел, какой жлоб, а? Я ему полкредита оставил, а он еще недоволен.

– Куда это мы приехали, Док? – оглядывая старые дома, спросил Джек. – Это не похоже на салон «Ист-Старс».

– Ежу понятно, что это не салон, потому что «Ист-Старс» находится в центре города. А в центр города нас без определенного «прикида» ни за что не пропустят. Поэтому я заказал лимузин и доставку смокингов прямо сюда – на Баланчин, дом пятнадцать, квартира восемь. Ну, пошли, время доставки еще не подошло. Успеем выпить по чашке чая.

Ассенизаторы поднялись на второй этаж, и Байрон позвонил в квартиру номер восемь. Дверь открылась, и чей-то приятный голосок произнес:

– О, Бэри, привет. Заходи.

Байрон наклонился, и его чмокнули в щеку. Следом за ним в прихожую вошел Джек.

– Джек, это моя сестра Сара. Сара, это мой напарник, заслуженный ассенизатор Джек, – представил напарника Бэри.

– Здравствуйте, – сказал Джек, не в силах отвести взгляд от Сары.

– Здравствуйте, Джек, – кивнула Сара, стараясь лучше рассмотреть гостя.

В прихожей повисло молчание. Джек молча смотрел на Сару, а Сара на Джека.

Неожиданно Байрон хлопнул себя по лбу:

– Какой же я дурак! Я же должен был догадаться... Эй, Сара, быстро на кухню – мы хотим чаю.

– Да, Бэри. – Девушка вздрогнула, словно очнувшись, и ушла на кухню.

Как только она вышла, Док решительно шагнул к Джеку и, ткнув его пальцем в грудь, сказал:

– Вот что, Джек, сейчас нам привезут смокинги, мы оденемся и уйдем отсюда, и ты навсегда забудешь этот адрес. Ты понял, Джек? Ты, конечно, мне друг, но Сара – моя сестра. Я ее вот на этих руках носил, когда она была еще совсем крошкой. Так что даже не думай, Джек! Даже не думай!

– Да, Бэри. Я понял. Извини.

– Ну хорошо, раз так. Пойдем в комнату, а то чего же мы возле двери стоим.

Следом за Байроном Джек прошел в небольшую комнатку и осторожно сел на указанный ему стул. Он еще не отошел от внезапного явления Сары и чувствовал себя немного оглушенным.

Девушка звенела на кухне чашками, и Джек легко представил, как она двигается между шкафами, столами и тумбочками. Такая легкая, гибкая и притягательная.

«Сара, – повторил он про себя, и ему показалось, что лучше имени нет на свете. – Сара...»

Байрон сидел около книжных полок и нервно барабанил по столу пальцами. Поняв, что нужно разрядить обстановку, Джек спросил:

– А чьи это рисунки, Док?

– Сара училась в художественной школе. Это было еще на Нубии.

– Красиво.

– Еще бы, она на всех конкурсах занимала первые места, – с гордостью произнес Байрон.

Наконец появилась Сара. Она неслышно вошла в комнату, и у Джека, когда он снова ее увидел, прервалось дыхание.

– Ты чего пришла? – строго спросил Док.

– Ты же просил чай, Бэри.

– Хорошо, неси свой чай. Только надень что-нибудь попримечнее, чем этот халат.

– Ты чего придираешься? Очень хороший халат. Новый, – возразила девушка.

– А я говорю, переоденься, – настаивал старший брат.

Джек сидел молча, стараясь не привлекать внимания хозяев. Его уши и щеки давно горели как стоп-сигналы, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Теперь, когда он знал, что на свете есть Сара, он не представлял, как будет жить без нее.

Девушка отсутствовала пару минут и вскоре вернулась с чаем и в совершенно другой одежде. Но Сару бесполезно было переодевать, даже в глухом шерстяном платье она была по-прежнему неотразима. Тонкая материя плотно облегла гибкое тело, и девушка была похожа на статую языческой богини.

– Эй, а зачем это третья чашка? – спросил Бэри.

– Для меня. Я тоже выпью с вами чаю.

– Ничуть не бывало, иди в другую комнату, – потребовал Док.

– Извините моего брата, Джек, – улыбнулась Сара, – он не всегда такой.

– Я знаю... – сказал Джек, неотрывно глядя в глаза девушки и чувствуя – все, он пропал.

– Возьмите вот это печенье. Я сама пекла.

– Спасибо.

Джек взял печенье и стал жевать, не чувствуя вкуса.

– Вам нравится?

– Да, Сара.

– Эй, ну-ка прекратите это сейчас же! – снова вмешался Байрон.

– Бэри, мы всего лишь разговариваем, – возразила девушка.

– А я запрещаю вам разговаривать! – крикнул Док и ударил кулаком по столу. В этот момент в дверь позвонили.

– О, привезли! – Байрон вскочил со стула и помчался открывать.

– Вы такая... красивая, Сара... – тупо произнес Джек.

– Да, – кивнула девушка, – и что из этого? Вы хотите назначить мне свидание?

– Не знаю, я об этом еще не думал.

– Ну так думайте скорее, а то Бэри сейчас вернется.

Девушка сидела так близко, и рядом с ней было так хорошо, что Джек позабыл, куда он собирался и как сюда попал. Он видел только глаза Сары. И еще Джек держал в руках ее ладонь. Маленькую и теплую, с такой гладкой шоколадной кожей.

– Эй!.. Эй!.. – доносились откуда-то издалека непонятные звуки, которые наконец преобразовались в голос разгневанного Байрона. – Нет, ну вы только посмотрите! Они уже держатся за руки! – кричал Бэри, потрясая вешалками с доставленными костюмами. – А чем бы вы занялись, задержишь я на полчаса? А? В чем дело, Джек? Мы же договорились...

– Уверяю тебя, Байрон, что я... – начал оправдываться Джек, но Док не дослушал, швырнув ему смокинг:

– Давай одевайся. Лимузин будет через пять минут!

17

Накрахмаленная сорочка непривычно терла шею, а неизвестно из чего сделанная бабочка больно кололась. Пиджак был больше на полразмера, и по совету Байрона Джек положил во внутренний карман полдюжины носовых платков.

– Зачем нужны эти платки? – спросил Джек.

– Костюмчик должен сидеть как влитой – это раз. А поскольку ты парень высокий и видный, то легко сойдешь за моего секьюрити – это два. Пусть карман оттопыривается – все будут думать, что у тебя там пистолет.

Еще Бэри настоял, чтобы Джек прихватил с собой и трофейные часы. Он уверял, что они выглядят очень стильно, особенно со смокингом.

И вот теперь Джек и Бэри ехали в темно-синем лимузине с самым настоящим шофером в фуражке. Машина беззастенчиво вклинивалась в автомобильные потоки, и остальные водители вынужденно притормаживали, узнавая в лакированном нахале обитателя центральной части города.

Байрон сидел молча, держа на коленях большую шляпную коробку. Он все еще сердился на Джека за Сару.

– Что у тебя в коробке, Бэри? – спросил Джек, желая завязать беседу и смягчить обиду напарника, но тот, строго посмотрев на него, сухо ответил:

– Когда надо будет, скажу, а сейчас сиди и помалкивай.

– Да пошел ты знаешь куда! – разозлился Джек. – Останови машину, я выйду. Еще не хватало, чтобы каждая черномазая задница на меня дулась.

Услышав перепалку, водитель покосился в зеркало заднего вида.

К удивлению Джека, Байрон радостно засмеялся.

– Про черномазую задницу ты это здорово сказал, Джек. Даже мне понравилось. Ну ладно, забудем – слушай нашу диспозицию. А ты смотри лучше на дорогу! – приказал Док водителю. – И вообще, подними стекло.

Водитель нажал кнопку, и стеклянная перегородка отделила салон с пассажирами.

– Вот так-то оно лучше... – кивнул Бэри. – Ну так вот, Джек. Минут через десять мы подкатим к воротам. К этому времени я нацеплю на машину флажки.

– Какие флажки?

– Нубийской империи. На кого я еще, по-твоему, похож, кроме как на посла Нубии?

– Ты будешь послом Нубии?! – удивился Джек, и в его голосе сквозило сомнение.

– Да. Посол Нубии, полномочный и представительный.

– И ты думаешь, что фокус с флажками пройдет?

Док открыл коробку и показал Джеку ее содержимое.

– Вот это флажки на машину, а вот это алая перевязь. Когда я ее надену, не забудь обращаться ко мне «ваше превосходительство».

– Ну, допустим. И что дальше?

– А дальше все очень просто. Как только мы остановимся на пропускном пункте, ты выпрыгнешь из машины и побежишь к дежурному. Сделаешь страшные глаза и потребуешь, чтобы нас немедленно пропустили.

– А если они не согласятся?

– Ну, тогда изобрази страшное оскорбление. Пусть они подумают, что ты сейчас же достанешь пистолет и начнешь их отстреливать.

– И ты полагаешь, что этот дешевый фокус пройдет?

– Раньше проходил.

– Ты что, уже проникал в центр таким образом?

– Не я. Так проезжал настоящий посол Нубии. У него была любовница в том же районе, где живет Сара. И он ездил к ней три раза в неделю. К таким связям на Нубии относятся отрицательно, поэтому посол предпочитал, чтобы его проезд через пропускной пункт никак не фиксировался. Ну и, случалось, давил на охранников, чтобы его пропускали.

Машина остановилась на светофоре, и, заинтересовавшись ею, из-за угла показались две проститутки. Одна из них распахнула плащ и показала, какая она красивая.

– А ничего девочка, да, Джек? Хочешь, пойдем сегодня в бордель?

Джек отрицательно покачал головой. Сара не выходила у него из головы, и Байрон это чувствовал.

На светофоре включился зеленый свет, и лимузин поехал дальше.

– Ну почему, почему именно Сара? Объясни мне, Джек. Что, мало других девушек вокруг? Белые девушки во сто раз лучше черных.

В ответ Джек глубоко вздохнул и, улыбнувшись, сказал:

– Сара лучше всех.

– Чем? Чем она лучше? – не унимался Байрон.

– Ну, она такая загадочная, такая легкая... она...

– Она черномазая! Она живет в бедном квартале! На Бургасе она никогда не найдет хорошую работу: Бургас – планета расистов.

– Нет, Док. Во-первых, Сара светлее, чем ты.

– Она пошла в маму. Наша мама была светлее папы, – сообщил Док.

– Сара – необыкновенная девушка. От нее исходит что-то такое... – Джек сделал неопределенный жест. – Ну, в общем, это что-то неуловимое. И рука у нее такая нежная, теплая, а кожа как молочный шоколад.

– Эй, не говори о моей сестре как о какой-нибудь жратве, парень! – возмутился Док.

Между тем лимузин сделал последний перед пропускным пунктом поворот, и Джек постучал в стеклянную перегородку. Водитель тотчас опустил ее, и Байрон скомандовал:

– Притормози здесь, парень.

Водитель выполнил приказание, Док, схватив нубийские флажки, выскочил из машины.

Флаги были снабжены магнитными подставками, и прикрепить их на крылья машины было секундным делом. Когда Байрон снова запрыгнул в салон и крикнул «Поехали!», шофер проигнорировал его команду и, обернувшись, сказал:

– Это не по правилам, сэр. Я не могу ехать с таким маскарадом.

Джек думал, что Бэри смутится и начнет оправдываться, но тот был готов и к такому развитию событий. Док скорчил угрожающую рожу и хрипло спросил:

– Что? Что ты такое сказал, парень? Ты не поедешь? Нет, сукин сын, ты поедешь, и так быстро, как я тебе скажу.

Шофер хотел перебить Байрона, но тот наставил на водителя палец и предупредил:

– Прошу тебя – ни слова. Иначе ты жестоко поплатишься. Трогай машину и поезжай вперед. Поднимешь шум – и ты труп. Ты знаешь, кто я?

Уже не на шутку перепуганный, водитель отрицательно замотал головой. А Бэри, не отводя от него гипнотизирующего взгляда, достал из кармана какое-то удостоверение и сунул под нос водителю.

В салоне было темновато, но это было не важно. Шофер и так был достаточно напуган, чтобы спастись даже перед трамвайным билетом.

– Ну что, есть еще вопросы? – спросил Док, убирая удостоверение.

– Нет, сэр. Простите, сэр.

– Хорошо. Я простил тебя, но смотри, больше не делай ошибок. Сегодня я работаю как посол Нубии, и ты будешь мне помогать. Уловил?

– Да, сэр. Так точно, сэр, – пролепетал шофер.

– Тогда успокойся и можешь ехать... – милостиво разрешил Байрон.

«Вот это мастер!..» – подумал Джек, восхищенно глядя на Байрона, который как ни в чем не бывало начал примерять алую перевязь.

18

Когда машина подъехала к шлагбауму, Джек выскочил из салона и зарысился в дежурное помещение, откуда приводился в действие механизм шлагбаума.

В дежурке находилось всего трое – два солдата и капитан. Солдаты стояли возле окошка, рядом с пультом, а капитан сидел в углу, опершись локтями на поцарапанный письменный стол.

Джек решительно подошел к офицеру и остановился напротив него, заложив руки за спину.

– Ну?... – произнес капитан.

– Поднимайте шлагбаум, – сказал Джек тоном человека, не привыкшего ждать.

– Пропуск! – потребовал капитан, бросив на него откровенно скучающий взгляд.

– Ты что, не видишь, что это дипломатическая машина?

Капитан уже с интересом посмотрел на Джека, который разговаривал с ним на «ты» и держался так, словно был большим начальником.

«Это неспроста...» – подумал капитан, но на всякий случай повторил:

– Пропуск!..

– Я тебя предупреждаю – ты затеваешь международный скандал, капитан.

– Каким образом? Я только выполняю инструкции.

На секунду Джек растерялся. Пассивность капитана выбивала его из колеи, но отступить было поздно, и Джек пустился во все тяжкие:

– В трех днях пути от Бургаса находится флот Нгамы Шестого. Ты хочешь, чтобы он повернул сюда?

– Нгама не посмеет напасть на Бургас. У нас союз с Новым Востоком, – возразил капитан. Джек угрожающе навис над дежурным.

– Если флот Нгамы хотя бы повернет в сторону Бургаса, все войска будут приведены в повышенную готовность, а это значит, что ты, капитан, окажешься на казарменном положении и целый месяц будешь париться в казарме вместе с нижними чинами. Никаких проституток, никакой выпивки – и так целый месяц. Усек?!

Джек замолчал и подождал несколько секунд, пока смысл его слов дойдет до капитана полностью. Наконец зрочки дежурного перестали беспорядочно бегать и осмысленно уставились на него.

Джек понял, что решение принято.

– Джексон, пропусти их, – сказал капитан, и солдат нажал на кнопку.

Джек удовлетворенно кивнул и направился к выходу.

– Эй, парень, а кем ты у них служишь? – любопытствовал капитан.

– Я?... – Джек подумал и сказал: – Первым секретарем посольства.

– Надо же, такой молодой – и на тебе... – покачал головой капитан. – Но ведь ты не нубиец.

– Я нубиец.

– Белый нубиец?

– А я альбинос, – ответил Джек и, покинув помещение, побежал к лимузину.

Машина уже стояла на территории центральной части города. Джек запрыгнул в салон и повалился на кожаное сиденье. Лимузин мигнул поворотами и помчался по сияющим огнями праздничным улицам.

Джек облегченно вздохнул.

– Быстро ты управился, – похвалил его Док. – Я бы и то так не сумел. Что ты им соврал?

– Я уже не помню. Говорил, что придет на ум, – признался Джек.

– И все равно это сработало. Ты великий интуит, Джек.

– Что такое «интуит»?

– Человек, которого не подводит его интуиция.

– Куда мы едем теперь?

– Прямо в «Черную жемчужину» – элитный клуб с кордебалетом, прекрасной кухней и изысканным обществом.

– Вроде нас с тобой?

– Именно, – кивнул Док. – Как тебе центр города? Небось ни разу здесь не был?

– Не был. Красиво, конечно, не то что в наших районах.

Джек увлеченно смотрел в окно, разглядывая витрины дорогих магазинов, ухоженную публику, шикарные авто и бесконечные рекламные панно. Они предлагали шампанское «Дэнни» по пятьсот кредитов за бутылку, автомобили семейства «баккарди», прогулочные яхты и недвижимость на курортах всего цивилизованного пространства.

Джек сравнил здешнюю рекламу с рекламными шедеврами своего района. Здесь не предлагали купить стиральный порошок и презервативы. Здесь жила другая порода людей, которые были уверены, что булочки растут на деревьях, а утренний творог возникает в супермаркете сам по себе.

– А вон и «Черная жемчужина», Джек, – показал рукой Байрон.

Джек посмотрел туда, куда он показывал, и увидел парадный подъезд со стоянкой, тремя десятками служащих и дюжиной швейцаров.

Эти люди с непринужденной легкостью сновали между подъезжавшими автомобилями, своевременно открывая дверцы, вежливо подавая руки и принимая ключи с таким видом, будто машина входила в их чаевые.

Лимузин «посла» въехал на стоянку, и персонал клуба торжественно замер. Служители выглядели так, словно приехал не нубийский посол, а сам император Нгама.

Опережая швейцаров, Джек выскочил из лимузина и, обежав его вокруг, открыл Байрону дверь.

Едва надменное лицо «посла» показалось из темноты салона, Джек произнес громко, чтобы слышали все:

– Прошу вас, ваше превосходительство.

Бэри выбрался из машины и на несколько мгновений замер, поглядывая на вывеску клуба, словно решал, зайти сюда на минутку или поискать что-нибудь попроще.

Наконец он сделал свой выбор и важной, неспешной походкой направился к входу.

В своей алой перевязи и с несколькими экзотическими орденами Док выглядел очень представительно и был похож на посла больше, чем, наверное, сам посол. Джек следовал за своим «боссом», бросая на персонал клуба подозрительные взгляды, как, по его мнению, это делал бы настоящий секьюрити.

Появление посла в зале не прошло незамеченным. Сопровождаемый Джеком, метрдотелем и двумя официантами, он прошел за один из лучших столиков и, подождав, пока ему выдвинут стул, величественно на него уселся, словно это был императорский трон.

– Меню, ваше превосходительство, – согнулся в поклоне метрдотель, подавая тисненную золотом папку.

Посол сделал заказ, и метрдотель с официантами тактично удалились. Бэри продолжал играть роль важного гостя, а Джек осторожно осмотрелся и тихо спросил:

– А ты уверен, что у нас хватит денег?

– Что значит уверен? Я знаю, что не хватит.

– Так какого же хрена... – начал было Джек, но Байрон его остановил:

– У меня есть золотая карточка «Хакслер банк». Когда я ее достану, всю стоимость ужина нам простят.

– Это точно?

– Я уже делал так пару раз и не заплатил ни гроша. Местную дирекцию греет сам факт, что владелец такой карточки посещает их заведение.

– Что же это за карточка такая?

– Чтобы получить золото «Хакслер банк», нужно быть их клиентом в течение тридцати лет и ни разу не опуститься до пользования кредитным резервом. Богатых людей много, но дисциплинированных среди них только единицы. Каждый из них хоть раз забывал сделать взнос вовремя и тем самым лишался права на такую карточку.

– А откуда же ты ее взял?

– Все очень просто. – Док позволил себе легкую улыбку. – У меня была самая простая их карточка, и я всего-навсего заламинировал ее в «рубашку» золотой. «Рубашку», само собой, сделал на компьютере.

– Неужели они такие глупые, что попадают на это?

– Представь себе. Они берут у меня карту, вставляют ее в гнездо, но поскольку деньги не снимают, то видят только то, что карточка действительно опознается как кредитный документ «Хакслер банк». Вот и получается – приемник определяет, что карточка «Хакслер», а визуально люди видят, что она золотая.

– Психология, – уважительно кивнул Джек и снова огляделся. Несмотря на уверенный тон Байрона, он на всякий случай искал глазами запасной выход.

Наконец появились два официанта. Двигаясь совершенно бесшумно, они поставили на стол набор аперитивов и несколько тарелочек с охлажденными на льду нарезанными фруктами. Прозрачные ломти нежнейших плодов лежали на горке, сложенной из ледяных кубиков. Внутри горки горел маленький фонарик, поэтому все это сооружение светилось изнутри янтарным светом.

– Нехило, – кивнул Джек, оценив оформление.

– Ты не туда смотришь, Джек, – не поворачивая головы, заметил Байрон. – Смотри, какие здесь женщины.

– А? Женщины?... – Подозревая, что Бэри намеренно старается отвлечь его от Сары, Джек сделал вид, что никого не видит.

– Ну конечно. Вон та, в платье небесного цвета, – это Марион Лаэртски. Телезвезда.

– Телезвезда? Что-то не припомню.

– Ну как же? Разве ты не смотришь шоу «Не надо – я сама»?

– Я не смотрю никаких шоу, – категорично заявил Джек и, взяв один из аперитивов, сделал пробный глоток. – Ни хрена себе! Вот это нектар! Никогда не пил ничего подобного.

– Еще бы. Нам с тобой месяц нужно работать на одну такую рюмочку.

– Месяц?! – вытянулось лицо Джека.

– Джек, прошу тебя, не перекашивай морду, а то набегут официанты, чтобы выяснить, что случилось.

– Извини, ты так неожиданно сказал. – Джек еще раз пожал плечами. – Просто какие-то астрономические цены.

– Расслабься, парень, это же «Черная жемчужина». Сейчас наедемся, напьемся, потом посмотрим представление – и домой. – Бэри подцепил острой палочкой фруктовый ломтик и положил его на язык. – А ведь и правда вкусно, Джек. Когда ешь такие вещи и сидишь среди красивых женщин, то даже не верится, что ты всего лишь дерьмовоз. Нет, но Марион все же хороша. Видел бы ты ее в рекламе колготок!

– Ты же сказал, что она ведущая шоу.

– Одно другому не мешает.

– А что с ней за гусь?

– Не знаю. Судя по роже – спонсор шоу.

– Или личный спонсор.

– Возможно.

В зале появилась новая колоритная пара. Она – усыпанная бриллиантами дама в темном платье с открытыми плечами, а он – седовласый высокий джентльмен. Пара расположилась всего лишь через столик от «полномочного посла» Нубии.

– Сенатор Джексон собственной персоной, да еще с законной супругой, – прокомментировал Бэри.

– Ты просто светский лев какой-то. Откуда ты их знаешь? – удивился Джек.

– Я провел подготовительную работу, парень, – негромко ответил Док. – Нельзя же вот так сразу пришлепать в такое заведение, не понимая, где здесь сенатор, а где богатый бандит.

– Сюда и бандиты ходят?

– Только очень состоятельные. Разожравшихся сутенеров сюда не пускают.

Через четверть часа возле столика снова появились официанты. Они сменили блюда и исчезли.

А гости в клуб все прибывали. Док проявлял чудеса осведомленности и ухитрялся не только узнавать знаменитостей в лицо, но и рассказывать какие-то интимные подробности из их личной жизни. Как выяснилось, он знал, кто с кем спит, кто что ворует, у кого большие долги и кто играет в карты.

Постепенно Джек вошел во вкус приятного времяпровождения и, опьянев от аперитивов, стал с интересом разглядывать декольтированных дам, вызывая их поощрительные улыбки и недовольные взгляды их кавалеров.

– А мне здесь нравится, – заявил он и взял с блюда прозрачную рыбку. Она целиком уместилась во рту, но почему-то совсем не жевалась. Плеваться при всех было некрасиво, и рыбку пришлось проглотить.

Вдруг свет в зале стал медленно гаснуть, и, когда сделалось совсем темно, на сцене, в лучах прожекторов, появился конференсье.

– Дамы и господа! Мы приветствуем вас в «Черной жемчужине», на величайшем представлении балета! – Конференсье громко захлопал в ладоши, однако публика отозвалась очень вяло.

Заиграла бравурная музыка, и на сцену одна за другой начали выбегать девицы в мини-купальниках и нелепых коронах с плюмажем.

Артистки сцепились за руки в длинную цепь и стали синхронно подбрасывать ноги выше головы. Это зрелище должно было восхитить избранную публику, однако аристократы зевали, прикрываясь ладошками, и продолжали свои беседы. Когда музыка играла особенно громко, они досадливо морщились и всем своим видом показывали, что им мешают.

Наконец взмыленный кордебалет ускакал за кулисы, и ему на смену вышел «маг и волшебник Абу Симбел», как представил его конференсье.

– Сейчас начнет женщину пилить, – угадал Бэри.

И действительно, из-за кулис выкатили ящик, в котором уже лежала готовая жертва. Абу Симбел достал двуручную пилу и вдвоем с еще одной ассистенткой распилил ящик на три части.

Потом, как водится, распиленные куски повозили по сцене, чтобы публика немного испугалась, а затем соединили вновь, и – о чудо! – девушка вышла из ящика целая и невредимая.

Маг и волшебник довольствовался лишь жидкими хлопками и ушел со сцены, дико вращая зрачками, а ему на смену выскочил отдохнувший кордебалет. На этот раз девушки были в одних трусиках, однако перьев в плюмаже было значительно больше. Мужчины оживились и стали хлопать, а один подпивший субъект даже крикнул «Браво!».

В третий, а может, и в четвертый раз появились официанты и опять сменили блюда. Джек одобрительно кивал – ему все больше нравилась жизнь богача. Время от времени он глазел по сторонам и, как ему казалось, даже узнавал каких-то людей.

«Это оттого, что я слишком много выпил», – объяснил он себе, потому что точно знал – никаких его знакомых здесь быть не могло.

«Полномочный посол» тоже чувствовал себя все лучше, и его не смущало, что на алой перевязи уже красовались два пятна от белого соуса.

Тем не менее, когда в представлении наступил перерыв, Бэри сказал, что пора уходить.

– Хорошего понемногу, Джек. Мы и так здесь давно уже сидим. Сколько на твоих трофейных?

Джек взглянул на часы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.